

На фоне нынешних препатриальность о том, кто внёс наибольший вклад в разгром нацизма во второй мировой войне, припоминается польский анекдот, который гласит, что это сделала та страна, армия которой выиграла главную битву. А поскольку главной битвой было сражение под Монте-Кассино, в котором решающее слово сказали поляки, то...

Разумеется, подобный пассаж не может не вызвать улыбки, но смеяться всё-таки не надо. Под Монте-Кассино, в самом деле, польский корпус, которым командовал генерал Владислав Андерс, провёл две отчаянные атаки на позиции гитлеровцев у стен итальянского монастыря, потеряв почти тысячу бойцов убитыми и поразив отвагой даже тех, кого они атаквали. Кроме того, смеяться не следует ещё и потому, что в каждой шутке есть только доля шутки, а остальное свидетельствует о каких-то серьёзных то ли желаниях, то ли представлениях. Притом зачастую весьма неожиданных. Об одном из таких “поворотов” стоит поговорить более подробно.

Мынувшим летом руководство Польши заявило о своих претензиях на то, что полагаются именно победителям: на репарации от Германии за потери в упомянутой войне. Правда, официальным тоном не прозвучали слова о том, что это “польское войско Берлин брало, а советское помогало”. Обоснование представлено иное: выплаты должны быть сделаны за то, что Польша тогда пострадала больше всех. Было разрушено её хозяйство, в руины превращена столица, Речь Посполитая потеряла шесть миллионов человек своего населения. При этом подчеркнута, что половину людских потерь составляли евреи, а поскольку евреям Германия компенсации выплатила, то чем поляки хуже? Первым о репарациях заявил бывший тогда министром обороны Речи Посполитой Антоний Мацеревиц. Вскоре тем же тоном заговорила и тогдашний премьер-министр Беата Шидло. В феврале нынешнего года было сказано, что этот вопрос поляки намерены поставить и перед руководством Евросоюза. Вскоре были оглашены и цифры. Причём довольно разные. Поначалу депутат сейма Аркадиуш Мулярчик заявил о 543 миллиардах долларов, что в номинале превышает годовой ВВП теперешней Речи Посполитой; через некоторое время возникла сумма, равная 840 миллиардам долларов.

Как к этой идее отнеслось польское общество? Профессор Мечислав Рыба из Люблинского католического университета считает, что “Польше давно надо было добиваться выплаты репараций”. Они ей попросту положены, заявил он в беседе с корреспондентом Польского агентства печати, так как, по его мнению, “в Европе трудно найти страну, более пострадавшую не только

в материальном, но и в человеческом смысле”. С ним согласен вице-директор польского музея второй мировой войны Гжегож Берендт. Опросы населения, сообщила польская пресса, показали, что более 60 процентов поляков тоже стоит на том, что “немцы обязаны выплатить Польше компенсации за потери, понесённые ими во время второй мировой войны”.

Но это не всё. Поскольку во второй мировой войне по польским землям ходили не только германские войска, но и советские, а потом советские ещё сорок лет на них гарнизонами стояли, то репарации, оказывается, должна выплатить и Россия, которая является правопреемницей Советского Союза. Многие варшавские политики и политологи твердят, что СССР виноват перед Польшей даже больше, так как он не только вместе с Германией напал на Речь Посполитую в 1939 году, заключив с рейхом договор Риббентропа–Молотова, но и после войны навязал их стране совершенно неприемлемый для поляков социализм. Как считает аспирант факультета права и администрации Варшавского университета Михал Патрик Садловский, “период после 1944 года олицетворял абсолютную потерю независимости, подчинение и полный разрыв с культурой широко понимаемого Запада, чьей неотъемлемой частью являлась польская культура”. При этом он не уточняет, какую степень независимости поляки имели в годы гитлеровской оккупации, от которой их избавила Красная армия. Неужто каким-то воплощением их государственности было Generalgouvernement für die besetzten polnischen Gebiete, то есть Генерал-губернаторство для оккупированных польских областей, которым руководил Ганс Франк, повешенный по решению Нюрнбергского трибунала? Нет ни слова и о том, как польская культура вписывалась тогда в культуру “широко понимаемого Запада”, если по плану Ост полякам и их культуре предстояло просто исчезнуть.

Тем не менее, в последнее время в Варшаве сформулирован ещё один “доказательный довод”, касающийся возможных репараций: следует представить, какой развитой теперь была бы Польша, не будь разрушений и потерь, которые она понесла за почти шесть лет войны и десятилетия “советской оккупации”. Расчёт суммы “российского долга” тоже не заставил себя долго ждать: за “уничтожение советскими гражданами польского имущества и культурных ценностей” Москва должна выплатить триллион złotych, что равняется примерно 270 миллиардам долларов – полторы современной Чехии, если брать её годовой ВВП в номинале, или почти три Словакии. То, что в социалистические времена экономика Речи Посполитой, страдая, так сказать, от гнёта Советов, имела больший вес в мировом ВВП, чем сейчас, остаётся за словесным забором.

Должен ли удивлять сей финт в политике Варшавы? Увы, нет. И не только потому, что у поляков, как утверждал польский же политический аналитик Пётр Сквещинский, образовался “комплекс России”, ставший результатом проигранного тысячелетнего выяснения, кто главнее в славянском мире, с чем их гордость смириться не в состоянии. Есть основания утверждать, что появился ещё один момент, усиливающий мотивацию “наезда на москалей”. Речь идёт об уходе от собственной ответственности за то, что случилась та самая вторая мировая война, наиболее пострадавшей жертвой которой считает себя теперешняя Речь Посполита. Ведь по факту именно Польша стала первым и долгое время оставалась единственным и надёжным союзником Гитлера, поддерживая его во всех начинаниях. В социалистические времена напоминать об этом не было принято, зато теперь бывшее молчание стало обстоятельством, способствующим усилиям польских политиков представить исторические одёжки своего государства в исключительно чистом виде, чтобы не всплыло нечто противоположное. А всплывать есть чему.

Кто первым бил в спину...

Политика отхода от собственной ответственности за развязывание второй мировой войны в Польше началась не вчера. Первым её этапом стало стремление расположить на одной доске тех, кто, казалось, просто не мог на ней поместиться: гитлеровскую Германию и Советский Союз, родину нацизма, угрожавшего всему миру, и тех, кто нацизм уничтожил. Именно Варшава ещё десять лет назад поставила вопрос таким ребром, а “фундаментом” для подобного истолкования избрала два события. Во-первых, подписанный

23 августа 1939 года — за неделю до начала второй мировой войны — советско-германский договор о ненападении, часто называемый пактом Риббентропа-Молотова. Без него, упорно твердят в Варшаве, та война была бы невозможна, хотя ещё в июне был готов немецкий план “Вайс”, предусматривающий удар германского вермахта по Речи Посполитой в конце августа. Во-вторых, начатый 17 сентября — через две с половиной недели после немецкой атаки на Польшу — поход Красной армии в сторону Бреста, Львова и Вильнюса, ставший освободительным для белорусов, литовцев, украинцев и их земель. В Речи Посполитой его называют ударом в спину их армии, сражающейся с гитлеровцами, хотя к тому времени не только простой польский обыватель, но даже президент окружённой немцами Варшавы Стефан Стажинский не знал, где находится правительство страны, парламент, верховный главнокомандующий, всерьёз ставился вопрос о создании ещё одного правительства.

И затея с приравнением в целом-то удалась, притом удалась во многом потому, что не получила должного и немедленного отпора со стороны тех, против кого была направлена. Более того, отсутствие отпора разожгло эмоции соответствующего уклона, что всё становится всё более очевидным, в частности, в спичах так называемых экспертов с той стороны, которые стали завсегдатаями на заполонивших российские каналы политических ток-шоу. В мае в одной из таких передач польский политолог Якуб Корейба, перечисляя “польские города”, потерянные в результате начатого 17 сентября похода Красной армии, назвал литовский Вильнюс, украинские Львов, Ровно, Тернополь, Ивано-Франковск, Луцк, белорусские Брест, Гродно, Пинск, Барановичи. Ответом опять было молчание и ведущих, и зала, а довольно осторожные слова журналиста Максима Юсина о том, что взамен поляки получили примерно столько же на западе, в частности, Вроцлав, Быдгощ, Ольштын, просто повисли в воздухе. Как ни странно, это довольно типичная ситуация. Даже в Белоруссии приходится слышать, что это Советский Союз тогда позарился на польские территории, хотя как раз белорусы, а также литовцы с украинцами стали крупными выгодополучателями того похода, так как это им были возвращены земли, отторгнутые в ходе интервенции, затеянной поляками в феврале 1919 года. Как ни странно, люди, гласящие подобное, не отдадут себе отчёта хотя бы в том, что, если следовать их пылу-жару, то это белорусов можно называть оккупантами, поскольку почти половина их живёт теперь на “отнятых” в 1939 году у поляков пространствах.

Всё началось с того, что Речь Посполитая, провозгласившая самостоятельность в ноябре 1918 года, тотчас же получила признание своей суверенности от уже советской России, но отказала в праве на это восточным соседям — и литовцам, и белорусам, и украинцам, тоже объявившим собственные республики. Она немедленно затеяла против них затяжную войну, которая задела даже латышей и не могла не задеть и русских. Именно Польша тогда нанесла неожиданные удары в спину литовцам, белорусам, украинцам, которые только-только начинали взваливать на себя нелёгкий груз государственной самостоятельности. Завершилась та война в 1921 году Рижским миром, по которому литовцы потеряли свою столицу Вильнюс с окрестностями, белорусы — западную часть своей республики, украинцы лишились одного из провозглашённых ими государств — Западно-Украинской Народной Республики, столицей которой сначала был Львов, затем Тернополь, затем Станислав — нынешний Ивано-Франковск. Впрочем, была ещё и Галицкая Советская Республика, тоже приказавшая долго жить в сентябре 1920 года в результате наступления поляков.

Понесённые тогда тремя народами потери во многом и обусловили поход, начатый Красной армией 17 сентября 1939 года. Однако он стал неизбежным и по иным причинам, о чём польское руководство провидчески предупреждалось ещё за двадцать лет до пакта Риббентропа-Молотова. Притом предостерегали англичане. В беседах с послом Речи Посполитой Евстахием Сапегой руководители Великобритании во время той самой польской экспансии на восток не скрывали опасения, что попытки как можно больше оттяпать у соседей могут подтолкнуть к сближению с Россией тоже обкорнанную Версальским договором Германию. С целью вернуть потерянное. Как потом оказалось, случилось именно это, хотя причин для начатого 17 сентября похода было уже больше, чем желание возратить отнятое поляками. Потому попробуем коснуться некоторых существенных деталей, остающихся в исторической тени,

хотя напоминать о них, на добрый лад, в России, Белоруссии, на Украине, в Литве стоило бы постоянно, поскольку они имеют существенное значение для оценки и понимания того, что и теперь происходит в польской политике, в том числе вокруг пакта Риббентопа–Молотова.

Деталь первая. Войну против восточных соседей в 1919 году поляки мотивировали тем, что намерены восстановить свою страну в границах той Речи Посполитой, которая была поделена Австрией, Пруссией и Россией в конце восемнадцатого века. При этом они умалчивают, что разделённое когда-то государство не являлось именно Польшей. Это было конфедеративное образование, состоявшее из Польского Королевства и Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, возникшего в тринадцатом столетии после Батыева нашествия на Русь. Тем жестоким наездом кочевников не преминули воспользоваться и литовские князья — последние в Европе язычники, жившие, как потом констатировал Адам Мицкевич, разбоем “на три стороны света”. Они тоже стали подчинять обескровленные русские уделы, потому состояло княжество на девяносто процентов из русских земель и русского населения. А термин “Речь Посполитая” в переводе на русский язык означает “Общее дело”.

В той конфедерации, несмотря на постоянный польский нажим, и королевство, и княжество имели отдельные правительства, бюджеты, армии, законы. Более того, между ними пролегла официальная граница, на которой действовали таможи, взимавшие соответствующие сборы с тех подданных Речи Посполитой, которые под них попадали. Общим был только венценосец, король польский, он же великий князь литовский, а также сейм. Проходила та граница западнее Бреста и Белостока, и российская императрица Екатерина II всегда подчёркивала, что в ходе разделов она не взяла ни метра польской земли, присоединив к России только исконно русские территории.

Такое уточнение необходимо как раз потому, что главной виновницей раздела чаще всего называют Екатерину II. Особенно в Польше, но случается такое даже в России. На самом же деле, как ещё полтора столетия назад отмечал польский священник, историк и повстанец Валериан Калинка, российской царице мысль о ликвидации Речи Посполитой была попросту чужда, ибо она видела в ней буфер между своей страной и набиравшей силу Пруссией. Другой польский историк Павел Ясеница напомнил, что разделы случились по инициативе австрийской эрцгерцогини Марии Терезии, предложение которой весьма понравилось прусскому королю Фридриху II. Он-то и стал главным мотором процесса. Добавим, не протестовали против разделов ни Франция, ни Великобритания, ни Швеция, ни Голландия, ни Османская империя, от которых тоже тогда зависела политическая погода в Европе. Да и с какой стати было им протестовать, если, как свидетельствует оксфордский исследователь польской истории Норман Дэвис, та Речь Посполитая, которую теперь принято именовать первой по счёту, была доведена её правителями до такого состояния, что в соседних странах её называли кабаком, борделем, даже посмешищем. А ведь она являлась самым крупным государством в Европе, территория которого, было время, приближалась к миллиону квадратных километров. Будь оно нормально развивающимся, экономически крепким, никакое расчленение ему не грозило бы. Однако отдельные польские регионы — Спиш, Чорстынь — Австрия отторгла и присоединила к себе ещё до первого соглашения о разделах. За невыплаченный долг. Только после этого к Марии-Терезии и Фридриху присоединилась Екатерина, заметив, что так “могут забрать всё”, а сие означало бы, что восточные границы Австрии и Пруссии выйдут на Днепр и Западную Двину. Могла она согласиться с этим? Ответ очевиден. И он отрицательный. Часто об этом напоминают российские аналитики? Ответ тоже отрицательный.

Деталь вторая. Есть веские основания утверждать, что польская государственность ныне существует не только благодаря Советскому Союзу, разгромившему нацистский рейх. Следует помнить и о заслугах российского императора Александра I, изменившего “расклад”, оставленный Марией Терезией, Фридрихом и Екатериной. Правда, поначалу в тот расклад вмешался Наполеон, который, разбив Австрию и Пруссию, на землях бывшего Польского королевства создал Великое герцогство Варшавское. В нём действовали французские законы, согласно которым слова “Польша” или “польское” в политическом контексте к употреблению не допускались; оно не имело своей валюты. Фактически это был французский протекторат, подданные которого

в походе Наполеона на Москву пополнили его армию ста тысячами штыков и сабель.

Александр I после победы над Наполеоном решил большинство земель герцогства включить в Царство Польское под собственной эгидой. Возложив польскую корону на свою голову, он в то же время предоставил Царству возможность иметь конституцию, которой не было у России, правительство, собственную армию, сформированную, к стати, из частей и соединений, воевавших против России. Даже своим наместником в Царстве Александр назначил генерала Юзефа Зайончека, который потерял ногу в битве с русскими на Березине. Поначалу Царство не входило в состав России, связь с ней была только династическая. Граница между ним и покровительствующей ему империей пролегла западнее Бреста, по давним рубежам бывшего польского королевства. По одной из легенд, именно там был задержан поэт Кюхельбекер, который после восстания декабристов пытался уйти в Западную Европу.

Чем руководствовался Александр? Часто звучат высказывания, что он, воспитанный швейцарцем Лагарпом, в душе переживал за судьбу поляков, обиженных его бабушкой Екатериной вкпе с Марией Терезией австрийской и Фридрихом прусским. Не исключено, что он, в самом деле, испытывал к ним особые симпатии, поскольку вскоре после вступления на трон назначил министром иностранных дел Российской Империи польского князя Адама Чарторыйского. Но вряд ли только симпатии определяли суть его решений. Александр был умным политиком, не случайно же не менее изощрённый Наполеон в сердцах называл его коварным византийцем. Вполне возможно, в отличие от бабушки Екатерины, он не желал отдать в распоряжение Австрии и Пруссии все земли бывшего польского королевства, поскольку это существенно укрепляло государства, претендовавшие на то, чтобы усилить своё соперничество с Россией, притом укрепляло людским потенциалом, отнюдь не симпатизирующим восточному соседу, в чём император имел возможность убедиться. Скорее всего, поэтому Александр и решил оставить самый большой кусок польских земель под своей рукой, рассчитывая постепенно расположить к себе их обитателей добрым к ним отношением. И в этом смысле многое было сделано. За сто лет население Царства Польского увеличилось в четыре раза. Царство стало наиболее промышленно развитым регионом Российской Империи. Город Лодзь в Европе стали называть польским Манчестером. Как отмечают польские же историки – Бронислав Лаговский, Александр Бохеньский, – это было время, наиболее благоприятное для развития. А ведь на закате той, разделённой, Речи Посполитой, Адам Смит, отец экономической науки, констатировал, что в Польше не производится ничего, кроме простейших вещей, необходимых для жизни.

Однако друзьями поляков сделать не удалось. Они, подчеркнул Александр Бохеньский, на все усилия имперских властей отвечали восстаниями. После первого, состоявшегося в 1831 году, Николай I лишил их конституции и включил Царство в границы России. После второго, вспыхнувшего в 1863-м, российскими властями были сделаны два важных вывода. Главный озвучил помощник царского наместника в Варшаве польский маркиз Александр Велёпольский, отметив, что для поляков ещё можно что-то сделать, с поляками – никогда. Потом, правда, он уточнял, что это не его слова. Скорее всего, принадлежали они великому князю Константину Николаевичу – на тот момент императорскому наместнику в Царстве Польском, брату Александра III. Но суть сказанного от этого не меняется. Ещё один вывод сформулировал русский философ Владимир Соловьёв – сын известного историка, адресовав его уже имперским властям. И прозвучал тот вывод как резкий упрек Александру I: если бы император больше думал о русских интересах, он оставил бы поляков под прусской и австрийской рукой, и тем самым болезненный для России польский вопрос был бы решён путём онемечивания. Последующие события подтвердили, что для подобных утверждений были серьёзные основания. Специальная делегация, которую после первой мировой войны Парижская всемирная конференция посылала на земли бывшей Речи Посполитой выяснить места и границы преимущественного заселения поляков, убедилась, что на территориях бывшего польского королевства, которые оказались под прусской короной, уже все говорили по-немецки. На тех, что вошли в австрийские границы, поляки составляли меньшинство, находившееся в постоянном конфликте с местным украинским населением, притом тот конфликт поощрялся

центральными властями в Вене. Преобладали поляки, главным образом, на землях, вошедших в состав России. Значит, не исключено, что, не случись того Царства, возродить Польшу в 1918 году было бы некому. Но спасённые сразу же пошли войной на тех, кто не дал им кануть в историческую Лету.

Деталь третья. Заявив в ходе первой мировой войны о воссоздании Речи Посполитой, которую историками теперь принято называть второй, западные страны предполагали возобновление польской государственности на территориях, входивших в состав Российской Империи в качестве Царства Польского. И только на них распространялась поначалу юрисдикция новых польских властей. То, что восточные границы воскресшей Польши, вновь должны были проходить западнее Бреста, подтверждала и предложенная британским министерством иностранных дел “Линия Керзона”. На такой же позиции стоял президент США Вудро Вильсон. Однако возглавивший новую Речь Посполитую Юзеф Пилсудский считал, что в неё должны войти все территории поделенной когда-то конфедерации. Правда, понимая сложность такой задачи, исходил из того, что на западе Польша будет иметь те границы, какие ей разрешит Антанта, а на востоке – те, что удастся завоевать. Тем более, литовцев мало, чтобы иметь собственное государство, им следует быть под польской рукой, а белорусы – это фикция, ноль, они, как и украинцы, до суверенитета ещё не дозрели.

Польский историк Владислав Побуг-Малиновский в “Новейшей истории Польши” уточняет, что Пилсудский войну считал единственным способом решения территориального вопроса на востоке. У него “не было сомнений в том, что переговоры с Москвой не могут быть дорогой поиска ответов в деле восточных земель и даже будущего Польши вообще”, что “единственным эффективным аргументом могла быть только сила”. Уже 16 ноября 1918 года Пилсудский уведомил все страны о создании независимой Польши. Все, кроме России, мотивируя это тем, что там нелегитимное руководство, хотя самого его никто не избирал, он получил власть из рук регентского совета, созданного Германией и Австро-Венгрией, а Начальником государства назвал себя сам в изданном им же декрете о наивысшей власти Речи Посполитой. Не слал он никаких уведомлений и в Вильнюс, Минск, Киев, тоже ставших столицами провозглашённых республик, не говоря уже о Львове или Тернополе. Вина литовского, белорусского, украинского государств, которых он в упор не желал видеть, состояла в том, что они оказались на пути его восточных амбиций.

Весьма образно на сей счёт выразился и Д. Ллойд Джордж в своих мемуарах “Правда о мирных договорах”, констатировав, что “право народов самим определять свою национальную принадлежность было немедленно отвергнуто польскими лидерами”. Они предпочли утверждать, что “эти различные национальности принадлежат полякам по праву завоевания, осуществленного их предками. Подобно старому норманнскому барону, обнажившему меч, когда его попросили предъявить доказательства своих прав на поместье, Польша размахивала мечом своих воинственных королей, который уже столетия ржавел в их гробницах”. Ллойд Джордж тогда именовал Польшу главным империалистом в Европе. Абсолютно немотивированным называл польское нападение на восток и работавший в то время в Варшаве германский дипломат Герберт фон Дирксен, будущий посол в Москве, а затем в Токио. То же самое отмечали в своих сообщениях в Вашингтон и американские военные представители.

Деталь четвёртая. В организации польского похода на восток наличествовал ещё один момент, о котором совсем не желают вспоминать любители порассуждать о сговоре Гитлера и Сталина в 1939 году. Если на то пошло, то в пакте Риббентропа–Молотова наличествовал польский опыт, ведь двадцатью годами ранее удар по восточным соседям поляки нанесли в сговоре с немцами. Тогда вся Польша и значительная часть литовских, белорусских, украинских земель ещё находилась под оккупацией германского рейхсвера. После ноябрьской революции в Германии и денонсирования Советской Россией Брестского мира немецкие войска постепенно уходили на запад, следом шли красноармейские части, но линия разграничения между ними на момент начала войны, которую теперь принято называть польско-советской, была ещё на сто километров восточнее Бреста и Гродно. Главным на занимаемых немцами территориях был командующий X армией генерал Эрих фон Фалькенгайм, штаб которого размещался в Белостоке. Это по договорённости с ним войска Пилсудского были пропущены сначала в Брест, Гродно, затем

далее на восток, и 14 февраля 1919 года они внезапно атаковали советские гарнизоны в местечках Мосты и Берёза-Картузская — ныне это белорусские райцентры. Та дата и считается началом войны, длившейся два года. В современной Варшаве упорно делают акцент на попытке Красной армии штурмовать польскую столицу в августе 1920-го, но стараются не вспоминать, что перед этим войска Пилсудского оккупировали Вильнюс, Минск, Киев. Рижский договор, по которому была прекращена та война и часть земель Литвы, Белоруссии и Украины присоединены к Речи Посполитой, два года не признавался Лигой Наций, поскольку, как пояснялось, он был подписан в результате польской агрессии. Ответом на неё и стал поход, начатый 17 сентября 1939 года.

Кто сломал клещи...

У поляков в их попытках уравнивать СССР с нацистской Германией в том, что касается начала второй мировой войны, надо признать, многое стало получаться ещё и постольку, поскольку нашло поддержку в других странах. В самом деле, отчего бы тем же немцам, которых много лет называли главными виновниками начала войны, не поделиться виной с кем-либо ещё? А заодно тем, кто плечом к плечу с вермахтом шёл на восток: австрийцам, итальянцам, венграм, финнам, словакам, испанцам и, как теперь всё больше проясняется, не только им, ибо у фюрера Третьего рейха были активные помощники, не декларировавшие своё с ним союзничество. На восточном фронте довольно многочисленными были голландцы, норвежцы, чехи, датчане, даже французы, которых на стороне Гитлера воевало больше, чем против него. На белорусской Могилёвщине до сих пор помнят, как против местных партизан действовал полк французской дивизии СС “Шарлемань”. Акцент на “сговор Гитлера и Сталина” оставляет в исторических потёмках и то, как жали руку фюреру западные лидеры, подписывали с ним договоры, аналогичные заключённому в Москве, ставшему последним в череде тех пактов. Недавно польский автор Пётр Гурштын напомнил, что американский журнал “Тайм” 2 января 1939 года именно Гитлера назвал человеком года по итогам ушедшего 1938-го. И вот новый этап. По сути, ставится задача сделать Россию — праймпремьерницу СССР — уже виновной не только в развязывании той войны, но и в её последствиях. Почему ведущую роль в таком деле взяла на себя именно Польша? Ответ тот же. Главной побудительной причиной таких усилий для нынешнего руководящего польского политикума опять же является попытка замаскировать то, о чём стоит сказать подробнее.

Начнём с того, что в 1932 году Советский Союз после шестилетних политических дебатов подписал с Речью Посполитой договор о ненападении. Через два года в Париже из уст польского министра иностранных дел Юзефа Бека прозвучала весьма высокая оценка отношениям его страны с СССР. Однако уже в июле 1936 года во время вручения верительных грамот новым польским послом Вацлавом Гжибовским в Москве заявили, что двусторонние контакты “хуже быть уже не могут”. Похоже, подписание договора с Советским Союзом было для Пилсудского не более чем политической уловкой. Польша до этого жила в условиях непризнанных границ почти по всему своему периметру. Нужно было пробивать брешь. В значительной мере это у него и получилось, хотя советское руководство всё-таки поосторожничалось, прямое признание существовавшей на тот момент границы между странами в качестве законной в договоре не зафиксировано. В нём сказано только, что любое нарушение границы будет считаться “актом насилия”, однако это можно было толковать и как напоминание о том, каким способом её устанавливали.

Добившись договора с СССР, Пилсудский повернулся к противоположной соседке — Германии, которую к тому времени возглавил Адольф Гитлер. Подписание декларации о ненападении уже между Польшей и нацистской Германией — первого (!) для Третьего рейха межгосударственного соглашения такого рода с европейскими странами — состоялось 26 января 1934 года. В исторической литературе ту декларацию часто называют пактом Пилсудско-Гитлера, так как заключена она была по личной инициативе Начальника Речи Посполитой. Правда, на пути к ней не обошлось без шараханий. Теперь с трудом верится, но сразу после прихода Гитлера к власти польский маршал предлагал Франции нанести совместный удар по Германии. В самом деле,

в воспоминаниях немецкого дипломата Герберта фон Дирксена, которые вошли в ОЛМА-ПРЕСС в 2001 году, сказано, что Пилсудский намеревался «начать агрессивную войну против национал-социалистической Германии». Предложение о нападении было передано в Париж в апреле 1933 года, куда специально приезжали профессиональный дипломат и член польского сената Ежи Потоцкий, а затем бывший адъютант Пилсудского бригадный генерал Болеслав Венява-Длугошовский, которого в Польше называли первым уланом страны.

Почему оно не было принято? Некоторые аспекты французского несогласия в исторической литературе обозначены. Во-первых, европейской общественностью такой удар был бы назван агрессией против страны, которая тогда являлась членом Лиги Наций. Во-вторых, Гитлер пришёл к власти в результате демократических выборов. В-третьих, свежа была в памяти политиков и народов та великая война, которая закончилась каких-то полтора десятка лет назад. Мир был хлипок. Впрочем, французский маршал Фердинанд Фош ещё при подписании Версальского договора в июне 1919 года обронил фразу, что это будет даже не мир, а перемирие на двадцать лет, ибо Германия не сможет смириться с потерями и тем, в какие условия её поставили. Как показал последующий ход событий, даже в определении срока он не ошибся. От подписания договора в Версальском дворце до атаки вермахта на Польшу 1 сентября 1939 года, ставшей началом второй мировой, прошло двадцать лет плюс месяц и два дня. Но в начале тридцатых Франции не пожелала то зыбкое спокойствие нарушать и остаться в истории инициатором новой большой бойни.

Кроме того, у французов возникли сомнения в боеспособности союзной им польской армии, о чём они вполне прозрачно намекнули во время визита в Париж Болеславу Венява-Длугошовскому. Наибольшую неуверенность у них вызывала компетентность высшего польского армейского руководства. В самом деле, весьма известный в то время генерал Эдвард Рыдз-Смиглый был выпускником художественной академии, генерал Владислав Сикорский имел диплом инженера-мостостроителя, генерал Казимеж Соснковский — диплом архитектора. Сам Пилсудский изучал военное дело, главным образом, по мемуарам военных деятелей прежних времён.

Вполне возможно, французы знали кое-что и о прогрессирующей болезни Пилсудского. Четыре года назад в Польше появились сообщения, в которых утверждается, что Начальник Речи Посполитой страдал недугом, не характерным для людей такого ранга. О нём лучше сказать цитатой из публикации польского журналиста Яна Бодаковского, которая посвящалась выходу в свет очередного (тридцатого) номера общественно-исторического журнала «Глаукопис» и называлась «Пилсудский умер от сифилиса». Вот выдержка из неё: «Без сомнения, наиболее меняющим устоявшиеся представления текстом новейшего «Глаукописа» является статья профессора Марека Каминьского, в которой автор сообщил, что Юзеф Пилсудский умер от сифилиса. Сифилис у Пилсудского выявил австрийский врач Карел Фредерик Венкенбах. Маршал, опасаясь скандала, сам пожелал, чтобы исследовал его лекарь из-за пределов Польши». Энциклопедические источники уточняют, что Венкенбах был известным голландским врачом, правда, в Варшаву его специальным самолётом доставили из Вены, где он работал многие годы. Ян Бодаковский указывает, что «итоги исследования были скрыты. Правительственная пропаганда распространила официальную версию, согласно которой Пилсудский умер от рака внутренних органов». И добавил, что «выявленная у диктатора болезнь сопровождалась психическими отклонениями. Третья стадия болезни свидетельствовала, что Пилсудский болел ею много лет, и болезнь дегенерировала его психику».

Спустя год после публикации в «Глаукописе» Марек Каминьский, кстати, «дипломированный специалист по внутренним болезням», в варшавском издательстве «Bellona» выпустил книгу «Последняя тайна маршала Пилсудского». В ней он постарался исследовать всю жизнь Начальника и дал понять читателям, что его психологическая неуравновешенность имела и врождённое происхождение. Его родители были двоюродными братом и сестрой, получали специальное разрешение на брак. Они произвели на свет двенадцать детей. Две сестры маршала страдали слабоумием, брат Каспар — клеptomанией, брат Бронислав, покушавшийся на российского царя в одной компании с Александром Ульяновым, сосланный на пятнадцатилетнюю каторгу на Сахалин, а впоследствии утонувший или утопившийся в парижской Сене, болел той же венерической хворью, что и Юзеф.

В современной Польше публикации на эту тему воспринимаются неоднозначно, чего и следовало ожидать в силу того, что речь идёт о человеке, памятники которому установлены во многих местах страны. С диагнозом, сформулированным Каминьским, в принципе, не спорят, хотя кое-кто, как Пётр Гжеляничик, утверждают, что тот в истории болезни маршала специально искал признаки именно сифилиса. Но есть и более “любопытные” истолкования. Одно из них, принадлежащее Казимежу Ригелю, гласит: “Плохое умственное состояние маршала Пилсудского в последние два-три года его жизни является подтверждённым фактом, о чём писали и пишут даже его апологеты. Было ли это следствием склероза или давнего сифилиса, приводящего к опустошению в мозге, это теперь не имеет значения. Нет болезней постыдных. Но фактом является также и то, что в 1933 году к власти в Германии пришёл Гитлер. В то же самое время в СССР Иосиф Сталин с успехом укреплял свою диктаторскую власть. А Польшей руководил в то время больной человек. Ментально он не мог уже противостоять тем негодьям. И в полудиктаторской системе, созданной им же в 1926 году, не смог успешно готовить себе достойных сменщиков для управления государством”. В то же время цитируемый автор добавляет, что чтение книги Каминьского не повлияло на его оценку Начальника: “Пилсудский по-прежнему для него остаётся великим государственным мужем”.

Отношение поляков к своему первому маршалу, к его болезням, реальным или мнимым, — сугубо их проблема, но тому, что в Париже в то время стали сомневаться в адекватности Варшавы, есть подтверждения не только медицинского порядка. Французский посол в Речи Посполитой Жюль Лярош в записке, адресованной своему правительству в марте 1931 года, откровенно называл польского Начальника “наполовину сумасшедшим”, притом “презирающим Францию”, однако в Польше “никто не смеет предпринимать что-либо без Пилсудского”. И это были выводы, касавшиеся руководителя государства, которое для Франции в течение многих лет являлось ключевым союзником в Центральной Европе. Именно Франция приложила больше всего усилий, чтобы возрождаемая Речь Посполитая стала страной крупной и сильной, потому и дала ей значительно больше оружия, боеприпасов, военного снаряжения, чем армии Деникина во время российской гражданской войны. Подтверждает значимость французского вклада в польское возрождение и то, что вторым после Пилсудского маршалом в истории Польши стал маршал Франции Фердинанд Фош, а его подчинённый генерал Максим Вейган, возглавлявший специальную миссию по обучению и снабжению польских вооружённых сил, был награждён серебряным и командорским крестами польского ордена Виртути Милитари.

Можно не сомневаться, Франция делала это не из платонической любви к Польше, а преследовала собственные цели, состоявшие в том, чтобы основательно умерить на будущее милитаристский пыл Германии. Той предназначалось существовать без крупных наземных вооружённых сил, военно-морского флота, авиации, бронетехники, быть зажатой с запада и востока своеобразными клещами. Теми клещами предстояло стать союзным французским и польским армиям, что после подписания Версальского мира и заключения в феврале 1921 года польско-французского договора о политическом союзе удалось. Немецкий генерал фон Зект бомбардировал своих канцлеров письмами, в которых подчёркивал, что Германия находится в кольце, проклятая именно Польшу. А она, можно не сомневаться, понимала своё значение в послеверсальском окружении Германии, однако, как показал последующий ход событий, второстепенная роль в союзе с Францией её не устраивала. Особенно маршала Пилсудского. Но если у французского руководства замашки Начальника Речи Посполитой вызывали сомнения в его надёжности, то в Германии стали строить свои планы в расчёте именно на них.

В воспоминаниях уже цитированного дипломата Герберта фон Дирксена есть рассказ о его визите к фюреру весной 1933 года перед отъездом в Японию в качестве германского посла. Тогда, заканчивая беседу, “Гитлер встал, подошёл к окну, уставился немигающим взглядом в парк, окружавший рейхсканцелярию, и мечтательно заметил: “Если бы только мы могли договориться с Польшей! Но Пилсудский — единственный человек, с которым это было бы возможно”. И вскоре надежды Гитлера подтвердились. Летом того же года Пилсудский принял в Варшаве рейхсминистра по вопросам пропаганды

Юзефа Геббельса, а осенью поручил своему в Берлине Юзефу Липскому передать фюреру предложение заключить двусторонний договор. Беседа Липского с Гитлером прошла 15 ноября 1933 года, а уже 25 ноября германский посол в Варшаве Ганс-Адольф фон Мольтке вручил самому Пилсудскому проект совместного соглашения. Ещё через два месяца в Берлине состоялось подписание «Декларации о неприменении силы между Германией и Польшей». Двухмесячное промедление, пояснял впоследствии польский посол, было вызвано тем, что «Пилсудский лично занимался этой проблемой и не намеревался подписать пакт с Германией, прежде чем ещё раз не прозондирует Париж на тему совместной решающей акции против Гитлера». Этим же был вызван его приказ «всё держать в абсолютной тайне». Свои автографы под текстом соглашения поставили Юзеф Липский и министр иностранных дел рейха Константин фон Нейрат.

Как было заявлено в первом пункте, «польское правительство и германское правительство считают, что наступил момент, чтобы путём непосредственного соглашения между государствами начать новую фазу в политических отношениях между Польшей и Германией. Поэтому они решили настоящей декларацией заложить основы будущей организации этих отношений». По сути, это означало, что руководство обеих стран на будущее предпочло ориентироваться не на многосторонние соглашения под эгидой Лиги Наций, а идти своим путём. Самым главным пунктом декларации стал четвёртый, в котором расшифровывалось, что «оба правительства заявляют о своём намерении непосредственно договариваться обо всех вопросах, касающихся их обоюдных отношений, какого бы рода они ни были». И если возникнет проблема, неразрешимая даже «непосредственными переговорами», они всё равно «будут искать решения другими мирными средствами», в том числе «предусмотренными в других решениях», но только «действующих между ними». Так ещё раз подчёркивалась ставка на то, что во всём они будут разбираться сами. Стороны заявили также, что «ни при каких обстоятельствах они не будут прибегать к силе для разрешения спорных вопросов», но фактически такое обещание было односторонним, только польским, так как у Гитлера сил, особенно военных, ещё почти не было.

Появление декларации для многих в Европе и Польше, особенно для военных, стало шоком. Один из самых известных польских генералов Ю. Халлер заявлял о своём убеждении, что между Германией и Польшей существует и тайный договор, направленный против СССР, что Пилсудский не придаёт особого значения границам Польши на западе, для него куда важнее возможные территориальные приращения на востоке. Такого же мнения придерживались бывшие премьеры И. Падеревский и В. Витос, а В. Сикорский даже обратился к президенту И. Мосьцицкому с предложением подвергнуть острой критике пронемецкую ориентацию министра иностранных дел Ю. Бека, с чем тот не согласился, понимая, что это будет критика самого Пилсудского.

Не добавляло оптимизма и то, что подписанный документ назывался декларацией, а не договором. В наше время в некоторых публикациях на берегах Вислы, например, у историка Войцеха Матерского, можно встретить суждения, подводящие к тому, что «опускание» пакта до декларации было для польских политиков полезным, поскольку снизило накал европейских обвинений в предательстве. Но тогда перед многими – и не только в Польше – в полный рост вставал вопрос, в чём будут состоять польские выгоды, из чего они произрастут. Всех пытались успокоить, что опытный Пилсудский обведёт вокруг пальца молодого, ещё не искушенного в политике Гитлера. Не исключено, что такой нюанс, в самом деле, присутствовал. Начальник Речи Посполитой о себе имел весьма высокое мнение, даже жаловался, что ему не повезло с поляками, что, будь он руководителем другого народа, то добился бы куда более значимых успехов, так как «поляки – народ прекрасный, только люди – курвы».

А погудка о секретном соглашении стала распространяться не только в Польше. Пресса Берна, Парижа, Лондона тоже заговорила, что есть именно тайные договоренности. Левые издания в лоб ставили вопрос, «сколько получила банда Пилсудского». Сначала в Англии, Франции, Швейцарии, а 20 апреля и советские «Правда» и «Известия» со ссылкой на французскую газету «Vourbonnais republicain» напечатали текст секретного приложения к пакту между Германией и Польшей, который, по словам издания, был

предоставлен бывшим министром труда Шотаном Люсьеном Лямурё. В нём говорилось:

1. Высокие договаривающиеся стороны обязуются договариваться по всем вопросам, могущим повлечь для той и другой стороны международные обязательства, и проводить постоянную политику действенного сотрудничества.

2. Польша в её внешних отношениях обязуется не принимать никаких решений без согласования с германским правительством, а также соблюдать при всех обстоятельствах интересы этого правительства.

3. В случае возникновения международных событий, угрожающих статус-кво, высокие договаривающиеся стороны обязуются снестись друг с другом, чтобы договориться о мерах, которые они сочтут полезным предпринять.

4. Высокие договаривающиеся стороны обязуются объединить их военные, экономические и финансовые силы, чтобы отразить всякое неспровоцированное нападение и оказывать поддержку в случае, если одна из сторон подвергнется нападению.

5. Польское правительство обязуется обеспечить свободное прохождение германских войск по своей территории в случае, если эти войска будут призваны отразить провокацию с востока или с северо-востока.

6. Германское правительство обязуется гарантировать всеми средствами, которыми оно располагает, нерушимость польских границ против всякой агрессии.

7. Высокие договаривающиеся стороны обязуются принять все меры экономического характера, могущие представить общие и частные интересы и способные усилить эффективность их общих оборонительных средств... ”

Наиболее “звучными”, конечно же, были второй и пятый пункты, обязывавшие Польшу не принимать никаких решений без ведома рейха, а также пропускать германские войска через свою территорию. При этом вполне однозначно уточнялось, что речь идёт о возможном столкновении с советскими войсками. Звонко, но обтекаемо был сформулирован шестой пункт, которым рейх принимал на себя обязательство гарантировать нерушимость польских рубежей против внешней агрессии, однако в нём тоже не было даже намёка на неизменность межгосударственных границ между Германией и Польшей. Оригинальный текст этого приложения пока не обнаружен, но оно часто упоминается в различных публикациях, да и последующие действия польского руководства показывают, что они шли в русле приведённых положений, особенно в контексте согласования действий внешнеполитического характера.

Почему Гитлер пошёл на подписание декларации? Довольно откровенно, хотя и осторожно, об этом говорит уже упоминавшийся польский профессор Войцех Матерский, работающий в Институте политических исследований Польской академии наук и посвятивший взаимоотношениям межвоенной Польши с СССР и другими соседями почти восьмистотстраничную книгу “*Na widece. II Rzeczpospolita wobec Sowietow 1918–1943 (В дозоре. Вторая Речь Посполитая в отношениях с Советами 1918–1943)*”. Её название основано на многовековом представлении поляков о том, что они стоят на страже рубежей западной цивилизации, которым постоянно грозят “восточные варвары”. Тем не менее, книга является весьма основательным исследованием действий руководства Речи Посполитой между первой и второй мировыми войнами, в целом ситуации в Европе, что даёт основание ссылаться именно на неё в поисках ответа на поставленный вопрос. По словам Матерского, “для Германии соглашение с Польшей имело, прежде всего, характер прецедента... Отсюда тот темп, который был придан использованию польской инициативы, направленной на политическое сближение”. Если отбросить словесные экивоки, то для Гитлера это был прорыв политической блокады, в которой рейх очутился после ухода из Лиги Наций и с Женевской конференции по сокращению и ограничению вооружений, созванной Советом Лиги Наций. Но не только. Как вспоминал личный переводчик фюрера, Гитлер после беседы с послом Ю. Липским пустился в пляс. Ведь одна из сторон клещей, сжимавших Германию, отваливалась. И не просто отваливалась. Силы, которые были главной угрозой на востоке, предлагали сотрудничество и взаимопонимание, вчерашний недруг превращался в приятеля. Декларация значительно ослабляла французские возможности воздействия на Третий рейх, так как клещи, ради которых Франция положила столько усилий, ломались. Фактически военный союз Франции и Польши приказывал долго жить, о чём польский министр

Юзеф Бек в присутствии известной журналистки Женевиэвы Табуи сообщил своему парижскому коллеге Барту, заявив: “Вы нам больше не нужны”.

После подписания декларации польская пресса день за днём публиковала сообщения о том, как политики и общественность Европы отреагировали на такой поворот в отношениях Варшавы и Берлина. Они очень интересны по сегодняшнему дню не только ёмкостью характеристик случившегося, но и предположениями, наметками, ибо помогают понять, что всё-таки произошло, что из него проистекало, притом не только для подписантов. “Kurjer Warszawski” в последние дни января 1934 года цитировал британское издание “Observer”, в котором констатировано несколько важных нюансов. Во-первых, “польза для Германии... неочевидна. Теперь, будучи свободной от наихудшей опасности пребывания меж двух огней, Третий рейх может спокойно выстраивать свою мощь”. Во-вторых, “Польша игнорирует... Лигу Наций, чем вряд ли будет довольна Франция”. В-третьих, “польско-германский трактат о ненападении означает фундаментальные изменения в европейской ситуации”.

Парижский корреспондент этого ежедневника сообщал, что французские авторы в публикациях о договоре “подчёркивают главным образом пользу для Германии, полностью умалчивая о польских выгодах”. Затем процитировал вывод “L’Oeuvre”, гласящий, что, “благодаря соглашению с Польшей, Гитлер сообщил Европе о возможности “смело обходиться без Лиги Наций, которая была краеугольным камнем внешней политики Франции”. Той самой Франции, которая являлась союзником Польши. Обозреватель “Le Journal”, поразмыслив “над делами, связанными с разоружением”, пришёл к выводу, что “над этим вопросом Польша, похоже, глубоко не задумывалась, когда подписывала пакт от 26 января”. Опубликовала парижская пресса и вывод чехословацких “Lidowych Nowin” о том, что “немецкий успех не подлежит сомнению... Гитлер, разорвал цепь, изолирующую Германию”, добился, что в договоре нет даже намёка на “арбитражные и иные структуры, действующие под эгидой Лиги Наций”, да и Польша предпочла “акции, не связанные с солидарной международной политикой”. Бельгийская националистическая “La Nation Belge” выразила убеждение, что это манёвр, единственная цель которого — оказать давление на Францию, сделавшую ставку на коллективные усилия в обеспечении мира.

Ещё более примечательны суждения немецких политиков. Уже в день подписания декларации собственный корреспондент “Kurjera...” в Берлине сообщал в редакцию, что в германских политических кругах подписание польско-немецкого пакта “понимается как успех национал-социалистического правительства”, который “способствует укреплению престижа Гитлера не только внутри государства, но и на международном уровне”. Он станет для канцлера “эффективным козырем” во время выступления в рейхстаге 30 января, когда исполнится год пребывания Гитлера в должности канцлера, тем более что это “единственная, пожалуй, положительная позиция в общем-то негативном балансе его заграничной политики”. В то же время в политических и дипломатических кругах в Берлине “нет недостатка и в голосах, выражающих удивление тем, что “Польша помогает Гитлеру в усилиях вырвать Третий рейх из “изящной” изоляции”. Однако буквально через три дня берлинская пресса уже подчёркивала “внутреннюю консолидацию и стабилизацию национал-социалистического режима”. Более того, заметил польский корреспондент, “намечая на польско-германский договор, одно из изданий констатирует: то, что год назад казалось невозможным, стало сегодня свершившимся фактом”, а это “является наилучшим доводом в пользу того, что временный период, как поначалу трактовалось правительство Гитлера, закончился”. Польско-германский договор “стал изумляющим и ошеломляющим завершением первого года правления Гитлера”. Говоря иначе, подписание пакта Липского-Нейрата помогло фюреру, на которого смотрели, как на фигуру преходящую, удержаться у власти.

Любопытны в этом смысле и противоположные, на первый взгляд, отклики бельгийской социалистической газеты “Peuple” и германской “Tag”, которую издавал министр экономики, сельского хозяйства и продовольствия в первом нацистском правительстве Альфред Гугенберг. “Peuple” полагала, что почвы для пакта нет, маршал Пилсудский и Гитлер “отдают себе отчёт в том, что он не стоит даже бумаги, на которой написан, так как национальные антагонизмы обеих стран становятся всё сильнее и, в конце концов, при-

ведут к выразительному взрыву”. Однако “Таг” пояснила, как он стал возможен. В публикации под заголовком “Два вождя при деле”, сообщал берлинский корреспондент варшавского “Kurjera...”, газета “возносит личные заслуги маршала Пилсудского и канцлера Гитлера в реализации соглашения. Только у таких людей, подчёркивает немецкое издание, могло получиться то, что никогда не сподобятся реализовать дипломаты”. Почему? Потому что профессиональные дипломаты предпочитают руководствоваться политической логикой? Так “отныне их влияние на ход польско-германских отношений исключено”. Иными словами, два амбициозных лидера сделали ставку на собственное видение того, что и как следует делать. Так в Европе начинался период, когда каждому следовало рассчитывать на себя, на собственную изворотливость.

Гитлер сразу начал резко наращивать военные расходы. Если в предшествующем польско-германскому соглашению году они составляли четыре процента государственного бюджета, то в год подписания — уже восемнадцать, через два года — уже тридцать девять, через четыре — половину. Ещё через год он громогласно заявил, что вообще прекращает соблюдение статей Версальского договора, которые ограничивают Германию во всём, что касается её вооружённых сил. И сообщил, что увеличивает армию сразу в пять раз, что намерен восстановить военно-воздушные, военно-морские силы, тяжёлую артиллерию. Рейхсфер был переименован в вермахт. Спустя год Гитлер ввёл свои войска в демилитаризованную по условиям Версальского мира Рейнскую область, что, как утверждают многие историки, и стало прологом второй мировой войны.

Отвести беду от себя на других?..

Почему Польша пошла на подписание той декларации? Нынешние польские историки стараются утверждать, что заключение пакта с Гитлером якобы стало результатом не только правильной оценки текущих европейских реалий, но и серьёзного стратегического предвидения, даром которого обладал Ю. Пилсудский. В том, что касается реалий, из которых исходил маршал, то, по мнению В. Матерского, “для Польши подписание совместного соглашения о ненападении существенным способом выровняло бы ослабление безопасности границ с Германией, вызванное её выходом из Лиги Наций. Заодно возвратило бы пошатнувшееся состояние равновесия между восточным и западным соседями”. Об уходе из Лиги Наций в рейхе было заявлено по результатам референдума, состоявшегося незадолго до визита польского посла Ю. Липского к фюреру. Надо полагать, в Варшаве это был истолковано так, что Гитлер не намерен “молиться” на международные соглашения, потому зыбкость границы, не признанной рейхом, возрастает. Отсюда — продемонстрированная быстрота польских решений.

Если же вести речь о предвидении, то Варшаве мнилось следующее: “международное неприятие Гитлера и Третьего рейха могло оказаться переходящим, что и подтвердил дальнейший ход событий, и если бы польский МИД не смог довести дело до подписания декларации, такая возможность была бы отодвинута на целые годы”. Сказанное означает, что Польше пришлось бы догонять не только Англию с Италией, но даже Литву с Эстонией и Латвией, которые впоследствии тоже подписывали договоры с нацистской Германией. Потому, “базируя безопасность государства на договорной дипломатии... Речь Посполитая не могла позволить себе подобный риск”. И проявила инициативу. Если следовать такой линии дальше, то получается, что Сталин был совсем плохо соображающим в политике персонажем, так как на заключение с рейхом договора о ненападении пошёл самым последним.

И всё-таки Войцех Матерский признаёт, что главные польские ожидания не оправдались. Подписанная декларация означала не усиление, а “ослабление безопасности границ с Германией”, поскольку в ней не оказалось как раз того, “что для польской дипломатии было самым важным” — признания их нерушимости. В таком случае, почему маршал Пилсудский, не видя в тексте столь нужного пункта, всё же пошёл на её принятие? Чем он предпочёл руководствоваться, единолично определяя внутреннюю и внешнюю политику второй Речи Посполитой, лишь изредка советуясь с соответствующими комиссиями сейма, так как “огромный авторитет и созданная после мая 1926 года система

власти позволяли ему действовать автономно”? Действительно, совершив государственные переворот и установив собственную диктатуру, маршал, не будучи ни президентом, ни премьером, а только министром по военным делам, стал самым главным в стране. Понимал ли он, какое лихо для Польши и всей Европы может принести Гитлер? Скорее всего, понимал, и предложение Франции атаковать Германию с обеих сторон, чтобы убрать из её руководства столь одиозную фигуру и стоящую за ней силу, только подтверждает это. Тогда что для него стало определяющим моментом?

Политика фюрера, конечно же, требовала действий, другое дело, каких и в союзе с кем. В таком случае, не был ли призыв немедленно ударить по Германии своеобразной “проверкой на вшивость” для французов? И не подтолкнул ли польского маршала отказ, полученный из Парижа, к действиям иного порядка? Тем более что его неудовлетворённость союзником нарастала: ещё в 1932 году из Польши была удалена французская военная миссия. Кроме того, вряд ли ему не было известно мнение Фердинанда Фоша о том, что Германия неизбежно постарается вернуть потерянное в первой мировой войне, а заключённый в Версале мир является лишь перемирием. Но если возобновление военного противоборства неизбежно, то резонен вопрос, что при подобном повороте событий светит Польше, да ещё и в условиях, когда к ней не очень-то прислушивается главный союзник. И какой тогда резон ставить только на него? Эта проблема Пилсудского не могла не тревожить, он не был глупым человеком, а замеченная за ним склонность к авантюризму как раз не отвергает наличия многообразных талантов. И Пилсудский, похоже, счёл более выгодным делом пособить Гитлеру, на чём выиграть кое-что себе, полагая, что победитель обижать помогающего не станет, а вознаградит. Помочь в чём? Прежде всего, в выборе пути. Так вызревала его идея: на случай возобновления большой драки подтолкнуть нацистского фюрера к избранию военного маршрута, на котором не будет Польши.

Развороту в сторону Германии, а также предположению, что Гитлер предпочтёт именно такой вектор приложения своих усилий, способствовали и другие соображения. Пилсудский объяснял своим подчинённым, что фюрер нацистов менее опасен для Польши, нежели предшествующие немецкие руководители, потом что он австриец, а не прусак, значит, не питает к полякам традиционной ненависти. Ему будет интереснее южное и юго-восточное направление, он сконцентрирует свои намерения на Австрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии, а далее – на Турции. Польшу его гнев на этом этапе мимует. То, что возрождение немецких appetitов может принести серьёзные проблемы и опасности для перечисленных соседей, в расчёт не принималось. Да и с какой стати ему было переживать за Чехословакию, если её польский маршал называл *искусственным детищем Версала*. Кстати, о том, что Гитлер избрёт именно “южный маршрут”, подумывали и в других странах. Узнав о подписании польско-германской декларации, в Италии тоже сочли, что “пакт подтверждает бóльшую заинтересованность рейха делами на южном направлении, нежели на северо-востоке”.

Сыграли свою роль и русофобские настроения Начальника. И не только у него, а и у реализаторов его политики. Сразу после подписания польско-германской декларации во время беседы с французским министром иностранных дел Луи Барту, свидетелем которой была Женевьева Табуи, Юзеф Бек выразился более чем откровенно: “...Что касается России, то я не нахожу достаточно эпитетов, чтобы охарактеризовать ненависть, какую у нас питают к ней!” Пилсудский на эту тему высказался ещё раньше: “Когда возьму Москву, прикажу написать на стенах Кремля, что по-русски разговаривать запрещается”.

Но был и ещё один момент, сыгравший весьма важную роль в отвороте от Франции. Принимая в Варшаве Луи Барту, Начальник Речи Посполитой не стал скрывать своего недовольства, что “на всём протяжении истории французы никогда не испытывали достаточного уважения к польской нации”. Тем самым давал понять, что нахождение на второстепенных ролях его не устраивает. Затем добавил: “Мы восхищены нашими первыми соглашениями с Гитлером”. И в том восхищении, без сомнения, не могло не быть пожелания успехов новому партнёру, а также надежды, что за оказанную услугу он проявит больше почтения и благодарения, нежели прежний.

За декларацией о ненападении последовали соглашения, касающиеся взаимодействия двух стран в экономике, торговле, армейском, полицейском

деле, даже между средствами массовой информации. Как недавно подчеркнул в своем интервью порталу "wPolityse" автор книги "Танец с Гитлером. Польско-германские контакты 1930–1939" Радослав Гolec, отношения Варшавы и Берлина, до этого ограничивавшиеся беседами дипломатов, "распространились на многие сферы жизни". По инициативе Гимmlера была создана совместная группа для борьбы с коммунистами и украинскими террористами, в состав которой вошли офицеры гестапо и польского министерства внутренних дел. Активными стали контакты главного коменданта польской государственной полиции Кордиана Заморского с шефом германской полиции порядка Куртом Далюге. Кордиан Заморский приглашался на ежегодные "партайтаги" в Нюрнберге, где вручал высоким чинам рейха приглашения на охоту. Он же в феврале 1939 года сопровождал рейхсфюрера Генриха Гимmlера, посещавшего Польшу. Создавались польско-германские рабочие группы для сближения правовых кодексов двух государств. С польской стороны эти усилия координировал большой почитатель Гитлера, что тоже подчёркивает Радослав Гolec, министр юстиции Витольд Грабовский, с германской – Ганс Франк, которому потом предстояло возглавить созданное на оккупированных гитлеровцами польских землях генерал-губернаторство с центром в Кракове. Есть в книге этого автора и эпизод, посвящённый тому, как польский атташе Витольд Мечиславский вместе Гимmlером посещал концлагерь Дахау. Надо полагать, тоже в рамках обмена опытом, так как к тому времени уже действовал польский концлагерь в Берёзе-Картузской.

Обменивались визитами высокопоставленные военные. Генерал Тадеуш Кутшеба, будущий командующий армией "Познань", которому 28 сентября 1939 года придётся подписывать условия капитуляции Варшавы, уже в 1935 году поприисутствовал на маневрах вермахта. Польские эсминцы "Вихрь" и "Буря" совершали визиты вежливости в немецкие порты. Армейские и флотские контакты регулярно и широко освещала польская пресса, подчёркивая их теплоту. Даже предназначенный для провинциального читателя "Dziennik kresowy", издававшийся в Гродно, 4 июля 1935 года на первой странице поместил снимок Гитлера, мило беседующего с группой польских морских офицеров, случайно встреченных им, так гласит подпись, в берлинском аэропорту. В рамках культурного обмена состоялась выставка польского искусства, побывавшая почти в двух десятках немецких городов. Многие польские актёры театра и кино, например, знаменитые Ян Кепур и Пола Негри, такой псевдоним был у Аполонии Халупец, делали активную карьеру и в рейхе. Когда Йозеф Геббельс запретил привлекать Полу Негри по подозрению, что у неё еврейские корни, в дело вмешался сам фюрер, которому она очень нравилась, снял все вопросы, и актриса до начала войны успела сняться ещё в десятке фильмов. По настоянию властей обеих стран, отмечает Радослав Гolec, всё делалось для того, чтобы "переломить многовековую недоброжелательность поляков к немцам и наоборот".

Яркой картинкой к тому, какие настроения, касающиеся западного соседа, поощрялись в польских государственных структурах, стали появившиеся в польской печати сообщения о владельце одного из варшавских складов аптечных изделий Нухиме Хальберштадте, обвинённом в "оскорблении канцлера Германской Империи использованием оскорбительных выражений". Проступок Хальберштадта состоял в том, что на конверте, в котором ему по почте пришло предложение о сотрудничестве от известной немецкой фирмы "Электроденталь-Фишер", владелец склада написал: "Множество раз просил господ не беспокоить меня своими посланиями. Поскольку существует гитлеровский строй, не буду принимать никаких предложений, пока Гитлер со своими голодранцами правит в Германии, и ни один порядочный человек не станет поддерживать отношений с вами". И отправил назад.

Почтовые службы рейха переслали письмо в польское министерство почт и телеграфа, "следствие выяснило, что надпись на конверте учинил именно Хальберштадт", и польская "прокуратура привлекла Хальберштадта к уголовной ответственности по ст. 111 УК, которая предусматривает наказание до 3 лет заключения". Вскоре "Dziennik Narodowy" в публикации под заголовком "За оскорбление Гитлера", сообщил, что Нухим Хальберштадт 26 сентября 1935 года получил восемь месяцев тюрьмы "без отсрочки от исполнения наказания". Приговор мог быть и жёстче, так как вина Хальберштадта усугублялась тем, что "он оскорбил руководителя государства, с которым Польшу

соединяют дружественные отношения”, однако “был принят во внимание возраст обвиняемого”.

Сами с усами...

Польский вклад в создание в Европе ситуации, приведшей ко второй мировой войне, состоял не только в том, что Речь Посполитая сломала столь нежелательные для рейха военные “клещи”, стала активнее с ним торговать, проводить совместные военные учения, демонстрировать своё расположение к Берлину иными доступными средствами. Не менее значимыми для фюрера были польские старания, направленные на то, чтобы не возродилась система коллективной европейской безопасности. Польша делала настолько сильный акцент на двусторонних, билатеральных, как тогда говорили, связях с соседями и не только соседями, что “обязательства польско-французские и польско-румынские” ставила куда выше многосторонних. Даже в “ключевых для безопасности страны польско-французских отношениях маршал стремился к тому, чтобы альянс с Францией делать независимым от ослабляющих его эффективность третьих факторов, в особенности от Совета Лиги Наций”. Коллективную безопасность он считал иллюзией, подчёркивает Матерский. Добавим к сказанному историком, что Гитлеру тоже вовсе не нужен был коллективный фронт государств, противостоящих его реваншистским устремлениям. Для подтверждения совпадения и представлений, и стараний продолжим ссылаться на этого автора, который, разумеется, в своей книге защищал позицию польских властей, но ничего не мог поделать с фактами, являющимися, как известно, упрямой вещью.

Начнём с так называемого Восточного пакта, попытки заключить который предпринимались в течение трёх лет. Суть его состояла в том, чтобы ограничить возможность затеянного нацистами реванша путём усиления статус-кво, созданного Версальским миром. Идею договора осенью 1933 года выдвинул французский министр иностранных дел Жозеф Поль-Бонкур. Предполагалось, что его подпишут Германия, Латвия, Литва, Польша, СССР, Финляндия, Чехословакия и дадут обязательство не нападать друг на друга. Кроме того, Франция и СССР должны будут прийти друг другу на помощь в случае агрессии. Скорее всего, подразумевалось, что атаковать Францию может Германия, а СССР — Польша. Впервые тезисы будущего договора Поль-Бонкур изложил в беседе с полпредом СССР Валерианом Довгалевским, который, как утверждает Войцех Матерский, сразу же предложил распространить его действие и на дальневосточный регион, где советские границы уже подвергались проверке на прочность Японией, однако Поль-Бонкур такое дополнение отверг. Тем не менее, к концу декабря советский МИД сообщил, что “СССР выражает согласие на участие в том договоре Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, а также некоторых других государств, но с обязательным участием Франции и Польши”. Франция, в свою очередь, стремилась включить в пакт Германию, поскольку без неё “возникнут сложности с уже имевшей соглашение с Берлином Варшавой”, в котором поляки видели “безопасность Речи Посполитой”, напоминает Матерский.

Германия отвергла идею пакта, о чём её министр иностранных дел фон Нейрат проинформировал посла Польши Липского в беседе, состоявшейся 13 июля 1934 года. В тот же день и польский министр Бек сказал немецкому послу фон Мольтке, что и “для польской внешней политики более важной является польско-германская декларация, нежели иллюзорно укрепляющий её безопасность Восточный пакт. Потому правительство РП (Речи Посполитой — Я. А.) не намерено участвовать в сомнительных комбинациях нарываться на рискованную пользу, которая из них вытекает”. Притом это было уже не первое такое обозначение польской позиции. Ещё 4 июня во время встречи в Женеве новый французский министр иностранных дел Луи Барту информировал Юзефа Бека о задуманном пакте, “включающем как Польшу, так и Германию, а также об одобрении того замысла Литвиновым”. С Литвиновым, который был наркомом иностранных дел СССР, Беку предстояло встретиться на следующий день. Однако и в беседе с Барту, и во время разговора с Литвиновым польский министр “очень сдержанно отреагировал на согласованный за его спиной замысел”, ограничившись выражением сомнения в том, что “Берлин согласится войти в такого рода комбинацию”, пишет Войцех Матерский.

При этом, подчёркивает он, Бек опять “не скрывал своего разочарования тем, что Париж маргинализирует роль Польши в системе союзов для Восточной Европы”.

Польский историк поясняет, что в предложенном пакте руководство польского МИДа усмотрело только видимость пользы от того, что в случае угрозы для Польши на помощь поспешат “все государства региона на основе автоматизма обязательств”. В Варшаве виделось, что он не только “ослаблял с таким трудом достигнутую разрядку в отношениях с СССР и Германией”, но и создавал фундамент для “вмешательства окрестных стран в польские внутренние дела”. Особая опасность виделась в Красной армии, которая, продолжим цитирование названного автора, “в случае каких-либо замешательств в балтийских странах или в Чехословакии, “неся им помощь”, вступила бы на польскую территорию и, возможно, навсегда”. Так же могли поступить и немецкие войска. И тогда “роль Польши в европейской политике подверглась бы полной маргинализации и была бы приравнена к роли Литвы”. Подобное приравнивание для варшавских политиков было просто оскорбительным, с миниатюрной Литвой у Польши не было даже дипломатических отношений из-за отнятого у литовцев Вильнюса. Повод для беспокойства виделся и в том, что “в случае конфликта с Германией... французские гарантии заменялись бы гарантиями СССР. А это расценивалось, скорее, как угроза, нежели польза”.

Такое понимание ситуации исходило, прежде всего, от маршала Пилсудского, чему Войцех Матерский тоже даёт довольно подробное пояснение. Дело в том, что как раз перед предложением подписать Восточный пакт – в мае 1934 года – “тайный коллектив генерала Фабрыцы”, который был первым заместителем военного министра, то есть самого Пилсудского, под криптонимом “Лаборатория” провёл среди высших польских военных специальное исследование угроз “на линии N-R (Niemycy-Rosja)”, то есть Германия – Россия. Семьдесят процентов военных в заполненных анкетах назвали Германию как “самую близкую по времени угрозу для безопасности польского государства”. Однако Пилсудский не согласился с полученным результатом: “маршал настойчиво указывал, прежде всего, на опасность с восточной стороны”. Генерал дивизии Казимеж Фабрыца был освобождён от занимаемой должности и отправлен инспектором во Львов. По убеждению “Пилсудского и Бека, вся французская концепция основывалась на полном незнании большевиков и коммунистической доктрины, на наивной вере, что СССР можно рассматривать как государство, приближенное к стандартам цивилизации”.

В то же время Бек об идее Восточного пакта чётко высказывался только в беседах с германским послом фон Мольтке, а во время встреч с дипломатами других стран он “лавировал, избегал ясных деклараций, особенно с французами. Он не желал брать на себя неприязнь за перечёркивание концепции, признанной Парижем панацеей от всех угроз мира в Центральной и Восточной Европе”. И так “в Париже, похоже, господствовало убеждение, что Бек вступил в сговор с Гитлером и вместе они ведут игру воображений, чтобы убить идею пакта”. Французский посол в Польше Жюль Ларош “дошёл до угроз, что под нажимом общественного мнения французское правительство может пойти на денонсацию военного союза с Польшей”. Не подействовало. В сентябре последовало сразу три возражения против подписания пакта: одно – от рейха, два – от Польши. В Берлине “отвергли возможность подписания какого-либо многостороннего договора о взаимной помощи в условиях, как подчёркнуто, когда Германия по-прежнему дискриминируется в сфере вооружений”. В Варшаве высказались против “участия Чехословакии и Литвы в предложенном соглашении, а также поставили под сомнение всё задуманное, если в нём не будет участвовать Германия”.

Не поспособствовало делу и подключение Лондона, предложившего несколько видоизменённую формулу пакта. Ради этого министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден съездил в Москву, куда английские руководители такого ранга после революции не наведывались ни разу, затем побывал в Берлине и Варшаве. В Москве ему удалось убедить Сталина в том, что взаимопомощь, предусмотренная пактом, должна носить не автоматический, а “факультативный” характер, то есть оказываться после дополнительных консультаций, а вот из Берлина и Варшавы пришлось уехать ни с чем. Лондонское предложение там не было принято, поскольку оно “угрожало “растворением”

польско-германской декларации в массе подобных соглашений о ненападении". Пилсудский и Идена "старался переубедить, что советская Россия представляет собой значительно большую угрозу для европейского мира, нежели Германия". Даже соглашаясь с утверждением, что Советский Союз является слабым государством, "маршал акцентировал иррациональность (истеричность) поведения советских властей в сфере отношений с границей, что – по его мнению – создаёт для Польши серьёзную опасность, бóльшую, нежели со стороны куда больше обличаемого Третьего рейха". После отъезда британского министра Юзеф Бек пришёл к выводу, что "практически Восточный пакт можно считать похороненным".

Впоследствии не поддержало польское руководство и проект Западного пакта, подписантами которого собирались стать Франция, Англия, Бельгия, намереваясь распространить его действие и на Польшу с Чехословакией. Главная цель договора состояла в том, чтобы гарантировать "нерушимость территорий и границ". Но в Варшаве не желали гарантий внешних рубежей Чехословакии. Отвергнут был и тот вариант Западного пакта, который предполагал включение в число его участников и Польши, и Германии. Притом отвергнут несмотря на то, что, по мысли Войцеха Матерского, заключение договора "было равнозначно признанию роли Речи Посполитой как великой державы, государством, равным по значению, политическому и военному потенциалу остальным подписантам возможного пакта". На это требовалось согласие Германии, куда специально завернул Юзеф Бек по пути из Женевы в январе 1937 года. Однако "результат проведённого в столице Третьего рейха зондажа не был ободряющим". Почему? Не потому ли, что рейх как раз не нуждался в Польше, от которой могло что-то зависеть? Тем не менее, не поддержали в Варшаве и советское предложение сделать санкции Лиги Наций обязательными для исполнения. Войцех Матерский отмечает, что польский министр не "считал возможным дать Лиге прерогативы, непосильные для исполнения".

А теперь обратимся к результатам "билатеральных" отношений Польши с Германией и СССР в контексте официально провозглашавшегося равновесия. Для характеристики того, как они складывались, в какую сторону клонилась чаша, приведём ещё несколько высказываний Войцеха Матерского. Окажется, несмотря на благозвучные заявления, в реальности "министр Бек охотно видел бы ограниченное сотрудничество с советской федерацией", притом "настолько ограниченное, чтобы оно не портило достигнутый уровень отношений второй Речи Посполитой с Германией". Выполнявший его установки посол Польши в Москве Вацлав Гжибовский тоже исходил из того, что надо продолжать политику "видимости улучшения отношений с Советами". Всё это означало только одно: равновесие в отношении Польши с западными и восточными соседями предполагалось только на словах, поскольку, "согласно неписаному "завещанию" маршала Пилсудского, наиважнейшим для польской внешней политики было противодействие угрозам с востока".

А как складывались отношения Польши с другими соседями? Ответ Матерского краток и конкретен: "Пилсудский, а затем и Бек действительно игнорировали чехословацкий фактор... Отношения с Чехословакией оставались плохими, с Литвой – фатальными. Опять обострился вопрос вольного города Гданьска... Охладели отношения Польши с балтийскими республиками, появилась неполезная тенденция в позиции традиционно дружественной Польше Румынии". В Бухаресте даже начали предостерегать Польшу от "возрастания германского влияния, которое уже проникает и во внутренние отношения и может со временем стать вредным для союза с Румынией". Тем не менее, в польской внешней политике ничего не менялось, министр Бек был "осознанно убеждён", что "её основы, установленные маршалом, можно продолжать, подбирая только тактические средства, в меру воспринимаемые обычными людьми, чтобы не совершить опасной ошибки". По словам Матерского, именно так министр сформулировал свою задачу перед президентом, премьером, коллегами по правительству, что было всеми ими воспринято с полным пониманием. Его позиция значила многое, так как тогда было "трудно ставить под сомнение практически бесспорную роль полковника Бека как создателя польской внешней политики". Фактически Пилсудский, даже мёртвый, продолжал руководить Польшей. В происходивших событиях пытались найти подтверждение верности пути, избранного покойным маршалом и упорно реализуемого

его министром иностранных дел. Занятия Гитлером демилитаризованной зоны на Рейне в начале марта 1936 года было истолковано как подтверждение правильности суждений Пилсудского о неэффективности многосторонних договоров.

Никаких возражений по поводу ремилитаризации рейнской зоны Польша не высказала. Как отметил Юзеф Бек в беседе со своим заместителем Яном Шембеком, “в случае возможного нарушения Германией демилитаризованной Рейнской сферы... это можно будет интерпретировать так, что то нарушение не создаёт для нас так называемый *casus foederis* в рамках польско-французского альянса”. Иными словами, оно не рассматривалось как повод для вступления в силу обязательств по союзному договору с Францией. Такое своё толкование обязательств Бек изложил и в беседе с новым французским послом Ноелем, добавляет Матерский, делая при этом весьма важное уточнение: “Польская пресса в комментариях на эту тему в целом разделяла немецкую аргументацию”. Настолько разделяла, что “её тон вызвал возмущение французского дипломата”, у которого сложилось впечатление, будто “сам министр Бек редактировал распространённое полуофициальным агентством “Искра” коммюнике по вопросу Рейна, уделив главное внимание сохранению спокойной, правильной атмосферы в отношениях с Берлином”. При этом польский историк признаёт, что “введя войска в демилитаризованную Рейнскую область, Третий рейх нарушил... прежде всего, Версальский договор, являющийся основой мирного устройства на континенте”.

Не вызвало возражений Варшавы и вступление вермахта в Австрию в марте 1938 года, хотя оно стало более “болезненным ударом по версальскому миру”. Кроме того, оказывается, польский министр иностранных дел ещё в начале года был уверен, что такое случится, о чём сказал Бенито Муссолини во время визита в Италию. Дуче был весьма удивлён. А ещё Юзеф Бек предвидел, что следующей жертвой рейха станет Чехословакия, потому, сообщает Войцех Матерский, предложил и венгерскому лидеру Миклошу Хорти, приезжавшему в феврале в Варшаву, предусмотреть “польско-венгерское взаимодействие... прежде всего, на территории Словакии и так называемой Руси Подкарпатской”. Министр исходил из того же убеждения, что и маршал Пилсудский: “Поворот немецкой экспансии на юг отвратит заинтересованность Берлина в восточном направлении”.

Кстати, польский военный историк полковник Ян Цялович полагал, что авторство аншлюса Австрии – речь об идее – принадлежит именно Пилсудскому, утверждавшему, что он даже знает цену, за которую эту страну можно присоединить к Германии. Правда, саму цену маршал не называл, но польские аналитики полагают, что возможной платой он считал присоединение Восточной Пруссии к Польше. Не исключено, что именно поэтому к поглощению Австрии и расчленению Чехословакии в Варшаве подготовились куда лучше, чем к ремилитаризации Рейнской зоны. Нет, о получении части Австрии или Пруссии речь не шла. В прессе Речи Посполитой, на уличных митингах раздались призывы “На Ковно!” – Каунас тогда был литовской столицей, заговорили о “польском аншлюсе”. Через пять дней после вступления вермахта в Вену “вице-министр Шембек направил литовским властям ультиматум с требованием в течение 24 часов установить с Польшей дипломатические отношения без всяких предварительных условий”. На границе с Литвой была сконцентрирована 100-тысячная армия. Соседей понуждали официально отказаться от отторгнутого Вильнюсского края. Литовские власти вынуждены были обратиться за помощью в Париж, Лондон, Москву. В Париже польская акция была охарактеризована как “грубое выступление”, которое “указывает на существование какого-то тайного соглашения Варшавы с Германией”. В Москве послу Гжибовскому заявили, что “возможная акция Польши против Литвы вызовет серьёзные осложнения”. Получив поддержку, каунасское правительство поступило по-своему: дипломатические отношения с Варшавой установило, но признавать аннексию своих земель не стало.

Ещё более активно Речь Посполитая действовала в “чехословацком вопросе”. За полторы недели до мюнхенского сговора, по условиям которого главы Франции, Великобритании, Италии дали добро Гитлеру на раздел Чехословакии, Варшава через своего посла Казимежа Папее 21 сентября 1938 года предъявила Праге требование отдать Польше ту часть Тешинской Силезии, которая в 1920 году была включена в состав Чехословакии решением

международного арбитража. В тот же день генеральный инспектор польских вооружённых сил маршал Э. Рыдз-Смиглый приказал сформировать специальную оперативную группу “Силезия” под командованием генерала Владислава Бортновского для вторжения на территорию южных соседей. И 1 октября оно случилось, что в Речи Посполитой было воспринято как “огромный успех польской внешней политики”. В ответ на советские протесты и обещание военной помощи чехословакам Геринг и Риббентроп заверили Бека, что их правительству “в случае польско-советского конфликта пойдёт дальше, чем доброжелательное отношение”. Польское участие в демонтаже общего дома чехов и словаков проходило при полной поддержке Берлина.

Первый звонок...

Тём не менее, в то же самое время прозвучали весьма тревожные для Польши звонки. Первый раздался ещё в Мюнхене, где решалась судьба Чехословакии. И решалась без участия Польши: “Речь Посполитая оказалась вне коллегии, определяющей европейскую политику”. Констатировав это, Войцех Матерский походя обозначил ещё один момент, опровергающий тех, кто твердит, будто намерение напасть на Польшу возникло у Гитлера только после подписания пакта Риббентропа–Молотова. Атака на Речь Посполитую, оказывается, была задумана фюрером ещё в 1938 году, потому-то “в Берлине решено было втянуть её в раздел Чехословакии и тем самым заблокировать предполагаемую возможность “взаимодействия Варшавы и Праги на антинемецкой платформе”. Польша обладала одной из самых больших армий в Европе, а Чехословакия была лучше всех вооружённой, их взаимодействие могло сломать все реваншистские планы Гитлера. Именно так трактовал ситуацию советник германского посольства в Варшаве Рудольф фон Шелина, работавший, как потом выяснилось, не только на рейх, но и на одну из западных разведок. А 24 октября 1938 года ударил колокол: “Риббентроп заявил послу Липскому, что пришла пора увенчать дело двух великих политиков – Гитлера и Пилсудского – комплексным урегулированием взаимных отношений”. Польше предлагалось отдать рейху “вольный город Гданьск” и согласиться на экстерриториальную железнодорожную линию, соединяющую основные территории Германии с Восточной Пруссией, бывшей тогда анклавом. Взамен ей было обещано доброжелательное соседство и продление с 10 до 25 лет действия той самой декларации о ненападении, которую Липский подписывал четыре года назад.

Вскоре Речь Посполитая получила и предложение “присоединиться к антикоминтерновскому пакту, что на практике было равнозначно военному союзу”, пишет Войцех Матерский. А Пётр Гурштын уточняет, что “5 января Юзеф Бек прибыл в альпийскую резиденцию Гитлера в Берхтесгаден. Возвращаясь из отпуска на Лазурном берегу, он использовал эту оказию для очередных переговоров с Германией. Фюрер принял его чрезвычайно галантно, но содержание его предложений встревожило Бека”. Глава рейха не только повторил “предложение от октября 1938 года, которое касалась Вольного города Гданьска, экстерриториального транзита и присоединения к антикоминтерновскому пакту”, но поставил ещё одну точку над “i”, заявив Беку, что “общность интересов Германии и Польши в том, что касается России, является полной: для Германии Россия, что царская, что большевистская, является одинаково опасной. В этом смысле сильная Польша просто необходима для Германии”. И расшифровал главную суть обозначенной необходимости, добавив, что “каждая польская дивизия, использованная против России, сохранит немецкую дивизию”. На следующий день Бек разговаривал с Риббентропом и “тоже вышел с предчувствием, что речь идёт не только о Гданьске и “коридоре”... Реальной же его целью была вассализация Польши. Бек это почувствовал сразу”.

Так ли уж сразу? По мнению того же Матерского, “канцлер Гитлер с самого начала не скрывал, что трактует декларацию от января 1934 года как выражение единства против совместного врага – Советского Союза и международного коммунизма”. А ведь даже у некоторых МИДовцев Речи Посполитой, к примеру, у заместителя министра Яна Шембека, возник вопрос, “не фикцией ли является вся немецкая политика добрососедства, вытекающая из пакта 1934 года”, а на самом деле “отношение Германии к нам опирается на

тезис... что в будущем немецко-русский конголек Польша будет естественным союзником Германии”. Сам Бек “был готов к переговорам и уступкам в гданьских и транзитных делах”, отмечает и Гурштын, но не “настолько далеко, чтобы они уменьшили суверенность Речи Посполитой”, потому его всё больше “бесила настырность Гитлера и Риббентропа”. Получается, глава МИДа так и не смог за все годы контактов с фюрером и его министрами понять, что Польша нужна рейху не как союзник, а как послушный исполнитель, и не больше. Бек стал чуть ли не последним, до кого дошло, что конголек польской птички увяз весьма основательно, ей предстояло или стать немецкой, или пропасть, если она не согласится.

Прозевал глава польского МИДа и ещё один чрезвычайно важный для его страны аспект. Юзеф Бек “несмотря ни на что не мог себе представить, что ради тактической пользы Гитлер сочтёт возможным протянуть руку Сталину”. А ведь фюрер буквально через неделю после встречи с Беком сделал довольно прозрачный намёк, что подобное не исключено. На традиционном новогоднем дипломатическом приёме, состоявшемся 12 января, Гитлер, который “на такого рода мероприятиях демонстративно игнорировал советских представителей”, вдруг “посвятил много времени сердечной беседе с послом Алексеем Меркаловым”. Министр, “находясь под впечатлением антикоммунистической риторики политиков Третьего рейха... не допускал даже мысли о возможной конstellации “R + N”... не реагировал на раздающиеся в то время в кругах пилсудчиков голоса, предостерегающие от угрозы соглашения между Всероссией и Всегерманией”. Бек не воспринял предупреждений своего заместителя о том, что “Берлин ищет сближения с Москвой”, больше доверял своему послу в СССР Гжибовскому, который пребывал в уверенности, что Шмебек заблуждается.

А ведь были и другие сигналы. В тот же день, добавляет Пётр Гурштын, “посол Речи Посполитой в Финляндии Генрик Сокольниковский направил в Варшаву депешу о своей беседе с командующим финской авиацией Ярлом Фрильофом Лундквистом, который рассказал ему о разговоре с одним из французских генералов: “Тот генерал предложил пари ген. Л., что к осени 1939 г. состоится четвёртый раздел Польши, притом Франция не пожелает и не сможет вмешаться с целью защитить Польшу”. Акцент в депеше делался на то, что Франция не пожелает. В тот самый день, подчёркивает Гурштын, и “американский военный атташе в Варшаве Уильям Кольберн направил в Вашингтон рапорт со своими выводами”. Их было три. Первый — судьба Польши “зависит от её союзов, и если те союзы будут низведены до нуля в течение весны или лета нынешнего года, то было бы удивительным, если бы Германия не пожелала возврата Силезии, Познани...” Второй — “если Германия сосредоточится на войне с Польшей, то не будет сомнений в том, чем она завершится... ни один польский офицер не верит, что Польша сама сможет дать отпор немецкому численному и техническому превосходству”. Третий — определяющая ценность военного союза Польши с Германией состоит в том, что “в таком случае Германии не надо было бы воевать за доступ к российской границе”. И как только немцы “достигнут своих целей в России”, они заберут и Поморье, ибо такой союз им нужен только временно. Но вступив в него, “Польша отреклась бы от долговременного союза с Францией”. То есть катастрофа Речи Посполитой и американцу виделась неминуемой.

Ограниченность польских возможностей для политического маневра была очевидна даже для более удалённого наблюдателя, чем американский атташе в польской столице. Ещё в конце 1938 года Уинстон Черчилль в одном из писем своей жене Клементине предсказал, что следующей реальной целью Гитлера станет именно Польша, а не Румыния, как многие полагали, в том числе в Варшаве. Пётр Гурштын подчёркивает, что Черчилль, который, кстати, тогда ещё не был британским премьер-министром, ошибся только в том, что касалось даты атаки на Речь Посполитую, поскольку предполагал, что это случится в феврале или марте 1939 года.

Приведённые примеры взяты из книги Гурштына, которой автор дал красноречивое название: “Ribbentrop-Beck. Czy pakt Polska-Niemcy był możliwy? (Риббентроп—Бек. Возможен ли был пакт между Польшей и Германией)”. Отрывок из неё недавно опубликовал польский портал *histmag.pl* с не менее интригующим заголовком: “С дьяволом или против дьявола”. Вопрос, с кем и против кого, в самом деле, в те дни в полный рост стоял перед польскими политиками,

и не только перед политиками, не упоминая о чём попросту нельзя. Как констатировал в одной из своих публикаций и известный польский аналитик Станислав Жерко, тогда в Речи Посполитой было много людей, руководствовавшихся побуждением “хоть с дьяволом, но против русских”. И, как потом оказалось, то были не просто побуждения. По подсчётам профессора Силезского университета Рышарда Качмарека, на стороне Гитлера воевало более четырёхсот тысяч граждан довоенной Речи Посполитой, о чём он и написал в своей книге с красноречивым названием “Поляки в вермахте”. Уже в мае 1941 года соотечественники автора были в числе германских десантников, захватывавших Крит. Во время битвы под Монте-Кассино, утверждает он, погибли родные братья, но похоронены они на разных кладбищах, так как воевали по разные стороны фронта.

Есть “любопытные” факты и иного порядка, о которых тоже не принято было вспоминать в социалистические времена. В частности, о том, что во время первого боя с гитлеровцами сформированной в СССР польской пехотной дивизии имени Костюшко, который состоялся в октябре 1943 года около белорусского посёлка Ленино на Могилёвщине, полякам противостояли не только немцы, но и их земляки, служившие в вермахте. Более того, воспользовавшись общим языком, те в первую же ночь проникли на позиции костюшковцев и нанесли им серьёзные потери. Не менее интересные в этом смысле детали содержит и хранящаяся в Национальном архиве Республики Беларусь расшифровка стенографической записи ежедневных устных докладов по спецсвязи члена Военного совета Первого Белорусского фронта генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина заместителю начальника Главного политического управления РККА генерал-лейтенанту И. В. Шикину о боях за восставшую против гитлеровцев Варшаву в сентябре-октябре 1944 года. Участвовала в них и та самая первая польская пехотная дивизия. Во время дерзкой атаки на немецкие позиции, которая состоялась 10 сентября, костюшковцами были захвачены пленные. Выяснилось, сообщил К. Ф. Телегин, что это поляки, и “солдаты первой дивизии и тут же на поле боя основательно избили их”. Теперь на родине профессора Качмарека, по его же оценкам, проживает несколько миллионов родственников тех, кто дрался за дело фюрера.

Но летом 1939 года у Польши всё-таки ещё был шанс выступить против дьявола со свастикой. Оставалась возможность, “поднять советскую карту”, которая лежала на столе переговоров, отмечает Матерский. Однако Бек продолжал придерживаться прежней точки зрения. Похоже, при оценке ситуации решающую роль играло неприятие “любой России”. Возможность каких-либо политических соглашений с Советским Союзом им трактовалась только в смысле “ненужного провоцирования Гитлера”. Появление польской подписи рядом с советской под любой декларацией, по его мнению, означало бы “присоединение к антинемецкому фронту”, на что “естественной реакцией Берлина был бы удар по Польше”. А “вхождение в союзнические отношения с восточным соседом только ускорило бы немецкую агрессию”. Именно так в марте 1939 года он и ответил на предложение Лондона о подписании “Великобританией, Францией, СССР и Польшей документа о совместных гарантиях стабильности в Центральной Европе... к которому могли присоединиться и другие государства”. Матерский уточняет, что Бек даже “отказался от личных контактов с руководством советского посольства”.

Такие его настроения подкреплялись позицией посла в СССР Гжибовского. В беседе с новым главой советского наркомата иностранных дел В. М. Молотовым, состоявшейся 9 мая 1939 года, Гжибовский вновь подтвердил то, что говорил и М. М. Литвинову: Польша “не примет никаких советских гарантий и не намерена подписывать никакого нового двустороннего соглашения политического характера”. Он самоуверенно повторял, что его страна “сама попросит помощи у СССР, если в этом появится потребность”. И однажды получил ответ, что она “может обратиться тогда, когда будет уже поздно”. Излагая в своей книге эти нюансы, Войцех Матерский задался вопросом, не получилось ли так, что “в момент, исключительно трудный для второй Речи Посполитой, московской площадкой руководил не человек, соответствующий времени, а, скорее, фантаст, чем реалист”. Но только ли для “московской площадки” польской дипломатии такое было характерно? Увы! Польские военные во время контактов с французскими и британскими коллегами тоже твердили “о ненужности каких-либо советских гарантий для Польши на случай угрозы или открытого конфликта с Третьим рейхом”.

Последним вкладом в недопущение коллективного фронта против Гитлера стали польские усилия, направленные на срыв англо-франко-советских переговоров в Москве в августе 1939 года. На них из уст советского маршала Ворошилова многократно звучал вопрос, сможет ли Красная армия, “выполняя пункты готовящегося соглашения, пройти через территорию Польши или Румынии”. От ответа зависел смысл дальнейших дискуссий. Но “несмотря на нажим Лондона и Парижа, министр Бек по-прежнему отвергал принятие трёхсторонних гарантий”. Ему достаточно было английских и французских, которые уже были даны. Польский публицист Дариуш Балишевский, ссылаясь на французские документы, напоминает, что, когда французы спросили, как без помощи русских поляки намерены “организовать вооружённый отпор на случай возможной немецкой агрессии”, 19 августа 1939 года получили ответ от министра Бека: “Это для нас дело принципа. У нас нет военного соглашения с СССР и нет желания его иметь!”

Сразу после заключения проклинаемого поляками договора Риббентроп–Молотов, советская газета “Известия” в номере за 27 августа 1939 года, разумеется, не только от своего имени, поставила вот какую точку в ситуации: “Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий”. Центральным пунктом тех разногласий стала внешняя политика Польши, главным “креатором” которой был Юзеф Бек. Признать такое на берегах Вислы не могут доселе. Даже для историка, а не политика Войцеха Матерского в тех трёхсторонних переговорах нынче “существенным является выдвигание на первый план одного момента, указывающего на цинизм советской стороны”. Оказывается, это Москва “создавала себе алиби, стараясь убедить мир, что это Париж и Лондон виноваты в надвигающейся катастрофе”, это “Сталину нужен был срыв переговоров, но сделанный западными странами”.

Нежеланию Речи Посполитой получить гарантии Советского Союза есть более правдоподобное объяснение, данное польским послом Ю. Лукасевичем французскому министру иностранных дел Ж. Бонне: “Бек никогда не позволит русским занять те территории, которые мы забрали у них в 1921 г.”. Опасение базировалось на том, что, вступив на эти земли, советские войска оттуда уже не уйдут. И они были не безосновательны, ведь ни белорусы, ни украинцы, ни литовцы, пребывавшие под польской властью, отнюдь не излучали от этого счастья. Как потом вынужден был признать польский аналитик Богдан Скарадзиньский, уходивших в 1939 году поляков никто не провожал со слезами на глазах. А вот красноармейцев встречали по-братски. Уинстон Черчилль сказал полякам коротко и ясно: у вас забрали то, что вам и не должно было принадлежать.

Говоря о пакте Риббентропа–Молотова, после которого состоялось то, что на Висле называется четвёртым разделом Польши, желательно всё-таки обозначить ещё один важный нюанс, который, как правило, тоже остаётся в дискуссионной тени. И даже провести историческую аналогию. По большому счёту, советскому руководству и Сталину в 1939 году пришлось решать ту же проблему, что и императрице Екатерине Великой. Суть её вновь была не только в том, чтобы вернуть своё, и Сталин, конечно же, был не против такого возврата, но та задача не являлась единственно приоритетной. Вряд ли в СССР были в неведении об уже подготовленном германским генштабом плане нападения на Речь Посполитую под криптонимом “Вайс”. И вряд ли были сомнения, что Польша не устоит. Но если всю её отдать рейху, то граница с Германией окажется рядом с Минском, всего в семистах километрах от Москвы. Ещё ближе – к Ленинграду. А сразу за ней – готовые к атаке корпуса вермахта. Мог ли здравый политик отказаться от попытки отодвинуть такой рубеж на три-четыре сотни километров? Чёткий ответ на этот вопрос дал Черчилль, заявивший, что “... Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германской армии с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи... Если их политика и была холодно расчётливой, то она была в тот момент также в высокой степени реалистичной”. Очень интересно на сей счёт выразился и Дариуш Балишевский в журнале “Впрост”. В публикации “Странная польско-советская война” он предположил, что только

после 17 сентября “польское правительство и польское главное командование поняло советскую агрессию как стратегическое желание ограничить пространство немецкой оккупации Польши, как замысел отодвинуть немецкую границу на 300–350 километров на запад”. Потому-то польская сторона “в событиях 17 сентября не усмотрела состояния войны” и не объявляла её Советскому Союзу. И это “факт капитального значения для понимания того, что тогда случилось”. Впрочем, констатирует Балишевский, на тот момент “в реальности польское государство и правительство уже не существовали... начиная с 6 сентября... никто не управлял и не отдавал приказов”.

В этой связи невозможно обойти и ещё один нюанс, касающийся того договора и его трактовки в самой Польше. Ведь то, что в Варшаве говорится о нём сейчас, абсолютно противоречит характеристикам, звучавшим на Висле сразу после его подписания. В те дни в Речи Посполитой он был воспринят с оттенком явного пренебрежения. Современный польский автор Славомир Ценцкевич считает, что договор в Польше просто проигнорировали. Польское правительство заявило, что это “мы первые заключили с СССР пакт о неагрессии”, что “Берлин получил от СССР только то, что мы уже имеем давно”. Варшавские газеты писали о нём, как о дешёвой сенсации, которая не будет иметь практического значения. Уже упоминавшийся “Dziennik Narodowy” 25 августа 1939 года в материале под заголовком “Ничего не изменилось” сообщал, что пакт “не вызвал впечатления, которого от него ожидали”, хотя предполагалось, что “он ослабит союзнические отношения между западными сверхдержавами и Польшей”. Наоборот, “Англия и Франция не только подтвердили свою верность союзам”, но и дали понять, что “выступят немедленно и активно, если Польша сочтёт это необходимым”. На следующий день та же газета на фоне всё заметнее ухудшающихся отношений с Германией подчёркивала, что “у польского народа героическая позиция”, что агрессор “будет стёрт в порошок”, что союзники Польши никогда ещё не испытывали такого вдохновения перед боем, так как “от свободы и жизни Польши зависит судьба других государств Европы”. “Kurier Warszawski” тоже констатировал, что весь мир с удивлением и уважением смотрит на польское спокойствие, сплочённость и готовность к борьбе. Верховный главнокомандующий маршал Эдвард Рыдз-Смиглый твердил, что “не отдадим даже пуговицы”, хотя самое ценное имущество, жену и прислугу он приказал эвакуировать из дома, в котором жил в столице, ещё до начала войны, с горечью напоминает Мариуш Новик в польском издании журнала “Newsweek”. Начальник генерального штаба Вацлав Стахевич тоже уверял сограждан, что “разобьём немцев сами”. Да и Юзеф Бек, исходивший из возможности “получать пользу от захватов Гитлера, не давая ему никаких официальных обязательств”, то есть попросту обводить его вокруг политического пальца, полагал, что польская армия сильна и “в случае чего быстро его проучит”, напоминает современный польский публицист Рафал Земкевич. А его коллега Богдан Пентка цитирует “Ilustrowany Kurier Codzienny”, который 31 августа утверждал, что “немецкий солдат драться с поляками не желает и удирает за границу”, более того, “первый же час войны станет призывом к революции в III рейхе”. Однако уже 8 сентября 16-й танковый корпус вермахта достиг предместий Варшавы.

По словам Мацеревича, к той войне “польский солдат был подготовлен”, и если бы не советский удар в спину... Однако, что было в реальности? В книге Войцеха Матерского сказано, что в начале 1939 года “специалисты третьего отдела Главного штаба Войска Польского под руководством полковника Юзефа Яклича представили план “Восток” — единственный после 1918 года детально завершённый оперативный план Войска Польского на случай войны”. Основные его положения “предусматривали, что вторая Речь Посполитая будет вести войну с СССР в союзе с Румынией”. Так о какой готовности к немецкому удару можно говорить, если не было даже плана отпора? И не потому ли в польском генералитете в первую же неделю немецкого наступления, ещё до “удара в спину”, началось нечто трудно вообразимое для хорошо организованных вооружённых сил. Командующий группой войск “Пруссия” генерал Стефан Домб-Бернацкий, увидев, что ситуация складывается не лучшим образом, переоделся в гражданский костюм и покинул не только поле сражения, но и страну. Командующий армией “Лодзь” генерал Юлиуш Руммель на шестой день войны после бомбардировки его штаба немецкой авиацией поспешно убыл в неизвестном для подчинённых направлении. Как потом выяснилось,

в Варшаву. Уже упоминавшийся генерал Казимеж Фабрыцы, назначенный 12 сентября командовать армией “Малопольша”, предпочёл податься в Румынию.

Насколько готовы были к войне польская экономика и общество? Так, промышленное производство в стране не достигло уровня 1913 года. О переживающем спад сельском хозяйстве вице-премьер Е. Квятковский говорил в 1935 году в сейме, что “польская деревня в XX веке почти вернулась в натуральное хозяйство”, в крестьянских домах “спички делятся на части, возвращается лучина”. Характеризуя общественные настроения в той Речи Посполитой, британский историк Норман Дэвис сделал вывод, что в ней “господствовала единственная в своём роде атмосфера сладости, перемешанной с горечью. С одной стороны, её характеризовали гордость и оптимизм, вытекающие из независимости, с другой – грустное ощущение, что поражающих проблем нищеты, политики и опасности не получится решить, опираясь на существующие возможности... Правительственная элита сияла радостью... Буржуазия роскошествовала... Но рабочий класс был неспокоен. Евреи – полны опасений. Интеллектуалисты – открыто критичны... В течение 1939 года состояние Польши ухудшалось от тяжёлого к смертельному”.

Получив британские гарантии, о которых впервые было заявлено ещё в последний день марта 1939 года, варшавская политическая верхушка – и не только она – пребывала в состоянии, которая характеризуется польской поговоркой “быть у Бога за печкой”, что соответствует русскому “у Бога за пазухой”. Насколько это соответствовало внешнеполитическим реалиям? Вот что о тех гарантиях пишет Норман Дэвис: “Чемберлен “полностью отдавал себе отчёт, что практически помочь Польше нельзя ничем. Делая тот жест, он... хотел не столько помочь Польше, сколько устроить Гитлера. Понимал, что британские силы для этого не располагают ни людьми, ни кораблями, ни самолётами”. И ставит точку: “Вторая Речь Посполитая была приговорена к смерти”.

Конкретизирует политическую картину тех лет и то, как британские государственные люди смотрели на Речь Посполитую, которая ожидала от них помощи. Вот какие “характеристики” приводит в своём двухтомнике Норман Дэвис. Дэвид Ллойд Джордж говорил о Польше, как о “дефекте истории”, исходил из того, что она “являет собой хронологию исторической неудачи” и всегда будет “примером коллапса”. Историк, политолог, дипломат Эдуард Карр называл Польшу фарсом. Для теоретика современного капитализма Джона Кейнса она была “экономической невозможностью, единственным промыслом которой является жидожорство”. Сильно отличаются эти суждения от тех времён, когда Речь Посполитую называли европейским кабаком и борделем? Способствовали они выполнению провозглашённых гарантий? Положительный ответ не вытекает из этих суждений, тем паче, что были утверждения и покрепче, например, что Польша просто патологична. К слову, Норман Дэвис свой труд, посвящённый истории этой страны, тоже назвал весьма красноречиво: “Божье игрище”.

Теперь в Европе часто повторяются слова Молотова, что Польша является уродливым детищем Версальского мира, что она к 17 сентября 1939 года перестала существовать. Однако уточним два момента. Во-первых, Молотов продублировал то, что Пилсудский говорил о Чехословакии. И этим советский нарком давал понять польским политикам, что они напоролась на то, за что боролись, что падение их страны является результатом их собственных усилий, притом с весьма быстрым результатом: “...никто не мог думать, что Польское государство обнаружит такое бессилие и такой быстрый развал”. Фактически он повторил вывод Ллойда Джорджа, который тогда же сказал, что “Польша заслужила свою судьбу”. Во-вторых, что не менее важно, “проклятые москали” никогда не опускались до столь оскорбительных характеристик в отношении своего соседа, подобных тем, какие озвучивали высокие представители государства-союзника, на словах гарантировавшего суверенитет Речи Посполитой.

Но есть и ещё один момент. Тот же Норман Дэвис задаётся вопросом, почему Юзеф Бек “наивно верил в искренность гарантий государств-союзников”. Как полагают некоторые современные польские историки, он строил свою игру с Гитлером ещё и на том, что союз Польши с Великобританией остановит его, заставит сохранить хорошие отношения с Польшей, а Польша

продолжит балансирование уже между Берлином и Лондоном. Но та игра лишь разозлила фюрера. Однако Войцех Матерский считает, что гарантии были последней соломинкой, за которую можно было ухватиться в поисках спасения. Ситуация дошла до того, что “возможности базировать безопасность Речи Посполитой на политике равновесия себя исчерпали. Германское предложение было отвергнуто, подчинение доминированию СССР не входило в расчёты, Лига Наций фактически была уже мёртвым созданием, констелляция Межморья или третьей силы оказалась нереальной. Оставалась борьба за расширение сферы британских и французских обязательств”. Но желали ли расширения своих обязательств ради Речи Посполитой в Лондоне и Париже? Ответ давно известен. Польше протянули не руку, а именно соломинку. Даже не протянули, а только показали. Уже 12 сентября, менее чем через две недели после гитлеровского нападения на Речь Посполитую, высшие военные советы Великобритании и Франции в присутствии премьер-министров обеих стран приняли решение о немедленном прекращении военных действий против Германии. Польские историки Ян Карский и Лех Выщельский выяснили, что ещё 4 мая 1939 года генеральные штабы Франции и Великобритании приняли решение “о неказании военной помощи Польше во время её войны с Германией”, придав этому “гриф секретности”.

В принципе, произошло то, чего в глубине души опасался ещё Пилсудский, идя на подписание декларации с Германией и тем самым ослабляя отношения с Францией. Как утверждал Ян Цялович, в беседе с одним из своих генералов маршал заметил: “Мы сидим на двух стульях, но это не может продолжаться долго. Нам только нужно знать, с какого мы упадём сначала”. Результат получился таким, что свалились с обоих.

Набат

Поначалу “в Берлине попросту не могли поверить, что Варшава предположила угрозу конфликта с Германией, а не пользу, вытекающую из сотрудничества с нею”. Ведь “канцлер Гитлер с самого начала не скрывал, что декларацию от января 1934 года он трактует как выражение единства в отношении общего врага – Советского Союза и международного коммунизма”, напоминает Матерский. И когда заявлял об общности интересов Германии и Польши в отношении СССР, для него вряд ли было тайной то, что говорилось в докладе второго отдела главного штаба Войска Польского в декабре 1938 года: “Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке”, важно только “кто будет принимать участие в разделе”, но “Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент”. О совместном походе на восток не раз говорил польским военным и Герман Геринг во время своих приездов на охоту. Намекал он Беку и на получение выхода Польши к Чёрному морю, добавляя при этом, что оно не хуже Балтийского. И не получал возражений, наоборот, Бек не скрывал, что его страна заинтересована в приращении своих территорий за счёт украинских земель. Короче, было пять лет взаимопонимания и активного сотрудничества, и вдруг... В Берлине даже предположили, что причиной варшавского разворота является растущий экспансионизм самой Речи Посполитой, констатирует Матерский.

Тем не менее, “приближался решающий момент в безоглядной игре, жертвой которой могла стать Польша...” Он наступил 26 июля. В тот день “заведующий восточноевропейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии К. Шнурре пригласил на ужин двух советских дипломатов и открыто предложил политическое сотрудничество...” Ровно через неделю советского полпреда Георгия Астахова вызвал уже министр Риббентроп. Он заявил, что между двумя государствами не существует конфликтных вопросов, “по всем проблемам, касающимся территорий от Балтийского до Чёрного морей, можно без труда договориться”. Советские власти ответа не дали, заметил по этому поводу Матерский, полагая, что нарком иностранных дел В. М. Молотов таким образом “набивал цену”. Но “12 августа состоялась вторая встреча с Астаховым. Через декаду германо-советский договор был подписан”.

Польша окончательно выпала из игры. “Мавр сделал своё дело...” О том, что оно значило для рейха и для фюрера лично, свидетельствует реакция Гитлера на смерть Начальника Польши в мае 1935 года. Тогда вождь нацистов направил в Речь Посполитую два соболезнования. Одно адресовалось

президенту Польши И. Мосьцкиному, и в нём были такие слова: “Я глубоко тронут известием о смерти маршала Пилсудского и выражаю Вашему Превосходительству и польскому правительству мои искренние соболезнования. . . Вместе с польским народом и немецкий народ оплакивает смерть этого великого патриота, который через своё полное сотрудничество с немцами оказал большую услугу не только нашим странам, но и оказал неоценимую помощь в успокоении Европы”. Другое получила жена Пилсудского Александра: “. . . Печальная весть о смерти супруга, Его Превосходительства маршала Пилсудского, ранила очень глубоко. . . Образ умершего я навечно сохраняю в своей благодарной памяти”. Главная в рейхе газета “Völkischer Beobachter” на первой странице писала, что “Новая Германия склоняет свои флаги и штандарты перед гробом этого великого государственного деятеля, который впервые имел мужество открытого доверия и полного союза с национал-социалистическим рейхом”.

В берлинском кафедральном соборе Святой Ядвиги по распоряжению Гитлера 18 мая 1935 года состоялась специальная месса с участием самого фюрера, в ходе которой фюрер сидел у символического гроба польского маршала, а рядом стоял почётный караул. Многие авторы констатируют, что это было последнее богослужение, на котором присутствовал вождь нацистов. Был объявлен общегерманский траур, что в последующие годы делалось только дважды: после сокрушительного разгрома вермахта под Сталинградом и после казни белорусскими подпольщиками гитлеровского наместника гауляйтера Вильгельма Кубе, взорванного прямо в спальне, в доме, в котором он обитал, исполняя свою должность в Минске.

В Варшаву на похороны польского маршала приезжал Генрих Геринг, которого называли вторым человеком в рейхе. Во время отпевания Пилсудского он сидел сразу за вдовой покойного. Польские источники пишут, что после занятия Кракова гитлеровскими войсками 6 сентября 1939 года “по приказу Гитлера германский командующий генерал Вернер Кёнитц отправился в бывший королевский замок на Вавель и возложил венок к гробу маршала Пилсудского в крипте под башней Серебряных колоколов. Затем пред криптой был выставлен немецкий почётный караул”.

В июне 1944 года в ещё оккупированном гитлеровцами Бухаресте с воинскими почестями, с участием королевской гвардии был похоронен Юзеф Бек, живший до этого на пригородной вилле вместе с женой и прислугой и писавший мемуары. После смерти маршала Пилсудского первый свой зарубежный визит он совершил именно в Берлин. По итогам двухчасовой беседы с фюрером, сообщала польская пресса тех дней, польский министр тогда заявил немецким журналистам, что “пожелания канцлера, касающиеся прочности польско-немецкого пакта, нашли сильный отклик в Польше и что с польской стороны существует искреннее желание дальнейшего углубления соседских отношений с Германией”. “Kurjer warszaski” подчёркивал, что все беседы в Берлине “имели цель дать понять Германии и Европе, что зарубежная политика Польши после смерти маршала Пилсудского не подлежит изменению”. “Dziennik kresowy” 5 июля 1935 года цитировал заголовки немецких изданий: “Польша будет держаться политической традиции Пилсудского” — “Deutsche Allgemeine Zeitung”, “Политика Пилсудского будет продолжаться и далее” — “Berliner Lokal Anzeiger”. “Пребывание одного из ближайших сотрудников маршала Пилсудского во всех смыслах будет способствовать дальнейшему укреплению отношений между Польшей и Германией”, утверждала и “Völkischer Beobachter”. Вернувшись в Варшаву, пишет Войцех Матерский, Бек выразил убеждение “в искренности уверений Гитлера в том, что касалось мирных намерений его политики по отношению к Польше”. Надо полагать, в Берлине и в 1944 году помнили об этом, иначе сидела бы румынская гвардия в своих казармах.

Доныне трудно однозначно сказать, почему Речь Посполитая отказалась тогда принять предложение рейха и открыто стать на его сторону, о чём, кстати, многие в современной Польше сожалеют. Опросы, опубликованные в июне 2017 года на сайте superhistoria.pl, свидетельствуют, что до 60 процентов поляков полагают, что требования Гитлера следовало выполнить и даже пойти на союз с Германией. Возможно, Гитлер сделал ошибку, предложив кое-что отдать и подчиниться? Ему самому следовало передать Польше Восточную Пруссию, о чём мечтал Пилсудский, а не пудрить польские мозги туманным

обещанием черноморского побережья! Плюс назвать её главным своим партнёром, объяснив, что судьбу Европы Берлин и Варшава будут решать совместно, результаты похода на восток будут распределены поровну! Некоторые варшавские аналитики донныне твердят, что в таком случае Советы удара не выдержали бы. Правда, кое-кто из них допускает, что потом полякам по велению нацистов всё равно пришлось бы пасти овец где-то за Уралом и ждать, когда их вызволят западные союзники. Только вряд ли те стали бы подвергать себя риску ради пастухов, оказавшихся в столь далёких и холодных краях. И многие в Польше это понимают. Как заметил Богдан Пентка, “если бы Польша в 1939 г. начала мировую войну в качестве сателлита III рейха, то в 1945 г. не имела бы не только восточных земель, но и западных, а, возможно, её и вовсе не было бы”.

Начав войну против Польши, Гитлер, как утверждают, обронил фразу, что она бы не случилась, если бы жив был Пилсудский. Надо полагать, он исходил из того, что Речь Посполитая действовала бы заодно с рейхом. В таком случае, не только Европе, но и самому Пилсудскому повезло, что он умер в мае 1935 года. Проживи маршал ещё несколько лет, не исключено, что теперь он стоял бы в одном ряду с итальянским дуче Муссолини, венгерским диктатором Хорти, румынским кондукэтором Антонеску. И, скорее всего, стоял бы в нём первым. Ведь тот же Муссолини лишь в 1939 году приступил к союзу с рейхом, поначалу не соглашаясь с аншлюсом Австрии, называя Германию страной варваров, а Гитлера – свирепым и жестоким существом, напоминающим предводителя гуннов Аттилу. Первой и твёрдой опорой фюрера в Европе стал польский Начальник с верной ему командой. А если так, то не приходится удивляться, что вопрос о возмещении убытков, причинённых войной, вдруг будет поставлен и перед Польшей, наследницей и правопреемницей той Речи Посполитой, во главе которой стоял маршал. Например, чехами и словаками, совместную страну которых разрушить помогала фюреру именно та Речь Посполитая. Вспомнят давние обиды литовцы. За Вильнюс. Да белорусы, у которых была отнята почти половина земель. И в этом случае не поможет ссылка на Рижский мир, поскольку тот договор представители белорусского государства не подписывали. А пламя второй мировой войны, к которой вольно или невольно вела политика государственных мужей в Варшаве, поглотило почти треть населения их республики. Разумеется, есть основания для таких претензий у украинцев, у других народов бывшего СССР и уж, тем паче, у русских, вынесших главную тяжесть борьбы с гитлеризмом.

А вообще-то, используя польскую методику определения ущерба, предъявить претензии могут даже немцы, заявив, что, не будь польской поддержки, Гитлер не смог бы удержаться у власти, значит, Германия не покрыла бы себя несмываемым позором нацизма. В нынешней Польше из уст того же Мацеревича звучали слова, что нюрнбергский приговор “является неполным”, так как вторую мировую войну “сделал возможной пакт Риббентропа-Молотова”. Вот только что будет, пан Антоний, если “Нюрнберг-2” сначала займётся теми, кто первым начал гладить и подкармливать сидящего в клетке тигра со свастикой? Да оценивать, взломал бы он клетку без той подпитки и натворил бы столько? Дошло бы дело до проклинаемого пакта без той подкормки?..